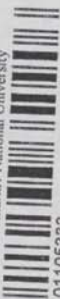

C-712-H.

A569561

V.N. Karazin Kharkiv National University

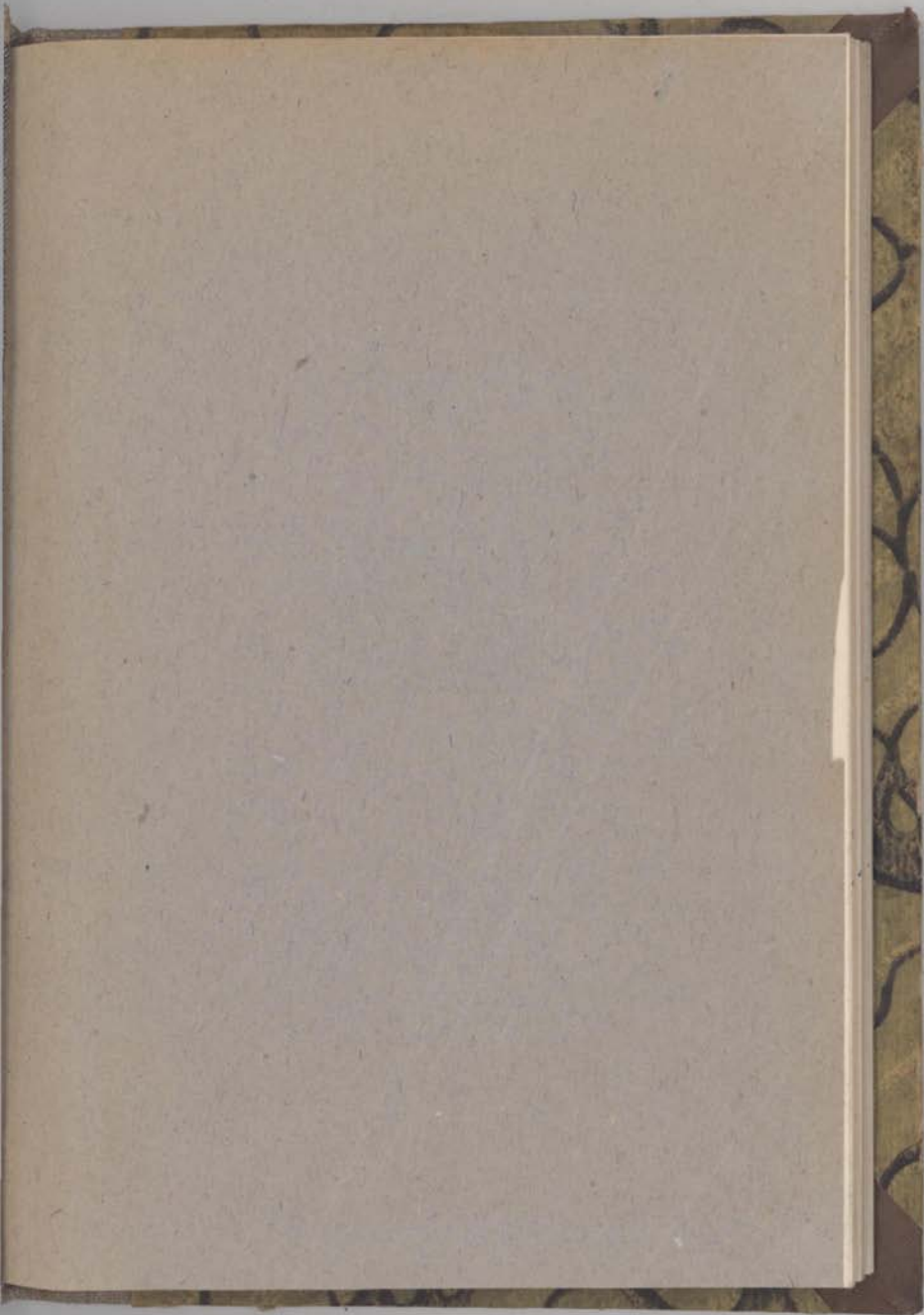
01105333

6

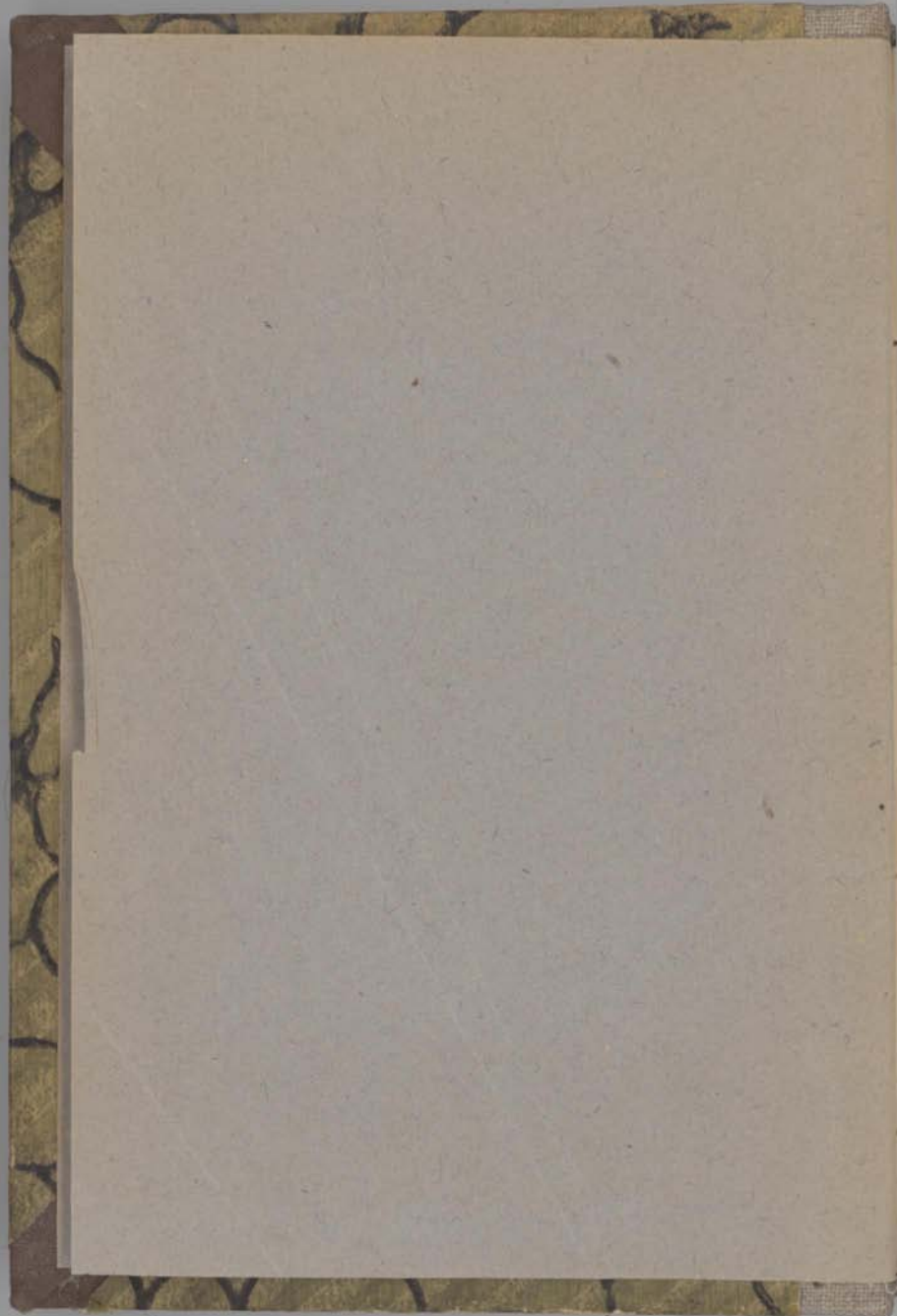
PK-1

Met. C
H. 1000 ft
1911

СЕРГЕЙ СЛАСОВИЧ

НЕУДАЧНИКИ

БИБЛИОТЕКА
Одд. Проза и поэзия
Ряз. обл. библиотека

49-68-1378-2

НИКИТИНСКИЕ СУББОТЫ
НИКИТИНСКИЕ СУББОТЫ

Москва — 1991

✓

1852

891.7-1
С-71

СЕРГЕЙ СПАССКИЙ

РЕВІЗІЯ
K
У

НЕУДАЧНИКИ

ПОВЕСТЬ

БІБЛІОТЕКА

Обл. Правління Спілки

Рад. Письменників

4848 1950

КООПЕРАТИВНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ПИСАТЕЛЕЙ
"НИКИТИНСКИЕ СУББОТНИКИ"

МОСКВА — 1929

ОБОВ'ЯЗКОВИЙ
ПРИМІРНИК

НЕУПРАВДАН

ПОДСТА

Главлит № А—21109.

Зак. 2659.

Тираж 2 000

Типо-литография „Вестник Ленинградского Облисполкома“, 2 Советская, 7

ЦЕНТРАЛЬНА НАУКОВА БІБЛІОТЕКА

ХНУ ІМЕНІ В.Н. КАРАЗІНА

Інв. №

А 569 561

2

Софии Гитмановне
Каплун

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА I

Тут строит. Тут кружится браня
Тут прочно сложены скамьи, год
Тут так стойко играли всенной
Силой блестящих воинов.

И десницам грозным
Чуть не востанет
Всех и востанет

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

На причалах и в бурном бей
Болны, вливающейся в море сая
Бурной пенной.

Греки-прозрачные гранаты
Е-стекляном блеске на жемчуге
И если вечер жемчужный,
Востанувшая, прохладная
И развешенная ризой
Светит теплым и трепетом,
И в-жидкой-жидкой жемчужине,
Милостивой улыбкой жемчужной,
Свою плавающую прозрачность
Воспоевает, целует, жемчужной
Чаше жемчужной на жемчужной жемчужной

НАСТЪ ЛЕВБА

ГЛАВА I

Тут строят. Тут круглеют бревна.
Тут прочно сложен свежий тес.
Тут ряд столбов оградой ровной
Стволы блестящие вознес.
И лестниц гладкие решотки,
Чуть прогибаясь под ногой,
Ведут к мосткам.

Тут—бродят лодки
На привязи. И звучен бой
Волны, вплывающей сквозь сваи,
Бурлящей пенисто.

А там
Гремят прозрачные трамваи
В стеклянном блеске по мостам.
И если вечер дымно-сизый,
Выстеливаясь, просквозит
И розовеющею ризой
Оденет пепельный гранит,
И в медленном непостоянстве,
Изменой отблесков жива,
Свои плывучие пространства
Всколеблет, шелестя, Нева,—
Чье сердце не забредит, споря,

Кто, задыхаясь в мгле забот,
Бег кораблей и трубы моря
К себе с тоской не призовет?

Но лирики довольно. Метод
Мы изберем такой: учет
Житейских происшествий.—

Этот

Рассказ зачат в недавний год
И в ту весну, когда событий
Багряномедная волна
Откатывалась.

В стройке, в быте

Негромко пенилась она.
И мысли расчленив в порядок,
Осматриваясь наугад,
Исход международных схваток
Решал сметливый дипломат.
И сквозь суровую опаску
С ним Запад говорил.

Внутри ж

Шли в городах—

ремонт, окраска,

Починка мостовых и крыш.

Но люди, но умы, но пламя
Чувств беспокойных кто поймет,
Кто подглядит, когда мы сами
Души цветной водоворот

Не в силах уследить.

Вот нынче

Ну, кажется, какой вопрос,

Весь день промерен, сложен, свинчен

И пущен вдаль,

— как паровоз

По вытянутой параллели

Звонящих рельс.

Но что с тобой?

Здесь путаница.

В самом деле,

И путь не тот, и день другой,

И поле хлынуло иное

В твоё вагонное окно,

И море вздыбило прибой...

Какое море? Все равно.

Бывают случаи—

железный

Вдруг лист с карниза упадет,

Тем самым оборвав полезный

Твоей служебной жизни ход;

Иль в клуб зайдешь и тут рассудку

Наперекор, в страстей дыму,

Разгорячившись не на шутку,

Казенных денег спустишь тьму;

Иль в городе чужом в подъезде

Гостиницы замедлишь,

— Ба!

И здесь ехидная судьба

Подстережет на хмуром скресте
Двух улиц.

— Неужели вы?

Марина? Вот не чаял встречи.

— Как? Лугин?

— Да, я из Москвы.

Весьма запутанные речи.

— Скажите!.. Право, он совсем

Такой же. Вы должны явиться

Сегодня в театр.

— В театр? Зачем?

— Вы позабыли—я певица.

— Мне надо нынче ехать...

— Ну,

Не принимаю отговорок.

И взгляд ее горяч и зорок.

— Что ж? Надо вспомнить старину.

— Так решено.

Судите сами,

Да сколько миновало лет?

Бежит смолистыми торцами,

Оглаженными, как паркет.

А было...

Вот он восьмиклассник.

Взросл. Даже курит при родных.

Весьма сознательный участник

Всей жизни. Тонет в мировых

Вопросах. Он давно умелый

Начетчик символистских книг.

Его воспитывает Белый
И Блока звуковой родник.
Уединившись втихомолку,
Он любит в вешний ледоход,
Глядеть, как зори пенят Волгу
И первая звезда встает.

Марина. Две густых и русых
На плечи скинутых косы.
Подвижней и стройней осы.
Взгляд, будто аметист на бусах,
Почти лилов. Характер горд..
Не сладишь с неумным нравом.
Она велосипедный спорт
Предпочитала всем забавам.
Но, впрочем, понимала толк
И в теннисе. Блеснет ракеткой—
И мяч дугой отбит над сеткой,
И смех до темноты не молк.
Но если вкрадчивой и хмурой
Волною обоймет тоска,
Податливой клавиатурой
Скользит привычная рука.
И, отдаваясь по соседним
Аллеям, над покоем летним,
Как чистый соловьиный гром,
Играет песня серебром.

Ну, в общем, пагуба, заноза
Для впечатлительных сердец,

Мираж, подобие наркоза.
Увидишь и пропал. Конец.
Зачем ей было на поправку
Из Питера являться вдруг
В тишь этих дач?

Какую давку,
Какую беготню вокруг
Птенцы классических, реальных,
Коммерческих и прочих школ
Подняли. Как пылился пол
На вечеринках танцевальных.
Заваривались пикники.
Сгонялись отовсюду лодки.
И стали чрезвычайно ходки
Прогулки ночью у реки.
Что гимназисты? Не хотите ль
Узнать—то каждый подтвердит—
Студент, затянут в белый китель,
И тот бродил понур, забит.
И начал мазать мимо лузы,
Хотя мелил исправно кий.
Что делать? Всякий вязнет в узы
Любви. Сильна игра стихий.
Но ежели разоблаченья
Пошли, то выложим сполна—
И Лугин был ценитель пенья.
Короче,—ни еды, ни сна
Два месяца. Напрасны охи
Родителей. Хоть злись, хоть плачь,—
Не ест. Рассеян, лоб горяч.

И даже с символизмом плохи
Дела.

И вдруг, скажите, он
В спектакль домашний вовлечен.

Кто не играл...

Но будем кратки.

Нет! Лирику тут не неволь.
Кто в юности пред словом „роль“
Не трепетал, кто, по тетрадке
Вызубривая трудный стих,
Не оглашал трущоб лесных
Басистым рыком, не коверкал
Лицо у зеркала, кому
Хоть раз не открывалась дверка
В сценическую полутьму,
Кто хоть на миг не слыл актером,
Кому черты не метил грим,
Кто застилающимся взором
Не зрел, как вздернут перед ним
Кусок холста, и на помосте,
Теряя голос, монолог
Не начинал, не чуя ног,—
Тот не поймет...

Рассказы бросьте.

Тщетна воображенья прыть.

Все это надо пе-ре-жить!

Отрывки Гамлета... Но, верно,
Он неудачник до конца.

Похож ли он на Гильденштерна,
Ему ль придворного лжеца
Являть? Иль нехватает роста
Для принца? Он же—Гамлет! Просто
Интрига явная видна.
Увы! Офелия—она.
Попробуйте, его оденьте
В плащ. Он сумеет...

— Башмаков

Не износила—

Что в студенте

Нашли? Не голос—трубный рев!
А главное...

— Ишь, льнет. Ишь, вспучил

Глаза.

Еще посмотрим. Ну-с!

Влюбляться в таких-то чучел!

Нет, у нее прескверный вкус.

Спектакль. Кленовые гирлянды

Увиди столбики веранды.

На стульях суетня, галдеж.

Хохочет зычно молодежь.

Толкаются. Куда? Не лезьте!

Родители на первом месте.

Гитар и балалаек хор

И щебет мандолин упругий

Выбренчивает, яр и спор,

О том, как Стенька правил струги.

Звонок гремит. С трудом уже

13261
Оттянут занавес. Знакомых
Тьма. Тут заметят каждый промах.
— Тсс.—Начинают.—Сядьте же!

1996956
4564
Клянусь, Офелии милее
Я после не знавал и сам.
Как шли к волнистым волосам,
О, нет, не лилии—лилеи.
И угловато-робкий жест
Рук загорелых—чуть неловкий.
За этой худенькой головкой
Мы, не дыша, следили с мест.
Когда ж запела... В тонком звоне
Протяжных слов—простая боль.
Мы били яростно в ладони.
Мой бедный Лугин. Скомкав роль,
В смешном костюмчике, с горячим
Лицом, измазан гримом, в сад
Сбежал, где липы шелестят.
Нет, он не разразился плачем.
Но Тютчев прав.

И кто же вновь,

Борясь, „в избытке ощущений
Не ведал ваших искушений,
Самоубийство и любовь“.

Вот забелело утро. Баржи
По стали светло-серых вод
Влачил лениво пароход.

Неудачники

БИБЛИОТЕКА
Обл. Правління Спілки
Рад. Писменників
4368 19506
ЦЕНТРАЛЬНА НАУКОВА БІБЛІОТЕКА
ХНУ ІМЕНІ В.Н. КАРАЗІНА

Ім. №

17
2

За эту ночь он вырос, старше,
Живее стал.

Волна в песке
Чуть лепетала пенной кромкой.
И бой колес тугой и громкий
Раскатывался по реке.

Ловя Марину всюду, шалым
Он жил недели полторы.
Но поезд, грохоча по шпалам,
Ее увлек. Конец игры.
О, яркость летнего спектакля,
Ты тускнешь. Время-бутафор
С подмосток выметает сор.
Не кудри Гамлета—а пакля,
Не Дания, а волжский плес.
И далее, не знаю, к стати ль
Сравненья множить без конца,
Но перед ним не тень отца,
А выцветший преподаватель
Латыни...

Значит, надо мне
Телеграфировать жене.

Но что за путаница в датах!
Однако, верно. Он женат.
Рассказ наш пестр. Он весь в заплатах.
Он мечется вперед, назад...
И за героем вслед, в одышке

Несется автор, за полу
Его хватает на углу:
— Нет, брат, не выскочишь из книжки.
Куда?

— Да, я на телеграф.
Тут безусловно Лугин прав.
Почтамт. Графленный бланк.

— Отсрочка
Отъезда.—

Мелких букв нажим.
Исчерчен лист.

Готово. Точка.
Теперь куда мы побежим?
Нева. Ну что ж? Пускай покоем
Подышит он.

Тут сложен тес,
И гладким и упрямым строем
Столбов и лестниц мир возрос.
Тут Петропавловки твердыни
Приземистые тяжелы.
И ангел маленький с иглы
Мерцает в глянцевиной сини
Небес. И между круглых ростр
Сомкнулась биржи колоннада.
И шпиль адмиралтейства остр.
И желтобокого сената
Чуть выступившая видна
В блистаньи солнечном—стена.
Нет, конечно. Здесь первый роздых

Позволим мы. Спешить куда?
Насыщен морем свежий воздух,
Играет бликами вода.
И, горечь дум обезоружив,
„Я опираюсь о гранит“.
Пусть мнутся складки пенных кружев,
Пусть их ничто не сохранит.
Но легким выплескам внимая,
Что б ни ждало в грядущем нас,
Я жизнь, как друга, принимаю
И слушаю ее рассказ.

26/VI 25—15/IX 27.

ГЛАВА II

Прощались.

— Слушайте, не будем...

Что взвешивать нам каждый шаг?

Да неужели просто людям

Нельзя...

— Вы правы, это так.

Она отдернула портьеры.

Как тени утренние серы!

Пустынен город в тусклой мгле.

И блики мутно заиграли

На полированном рояле,

На фотографиях в стекле.

Вагон летит. Он вложен в тягу

Колес, цепей и скрепов. Он

В свой неуклонный бег влюблен.

Купэ колышется.

— Прилягу.

Сосед в мышинном пиджачке

Врос в угол с томиком в руке.

О, перестук колес. О, сказка

Железного тупого лязга.—

— Ты стар. Смирись. Роптать к чему?
Стекло позвякивает мелко.
Лишь огоньком метнется стрелка,
Да искры сыплются в дыму.

Но эта бронзовая прядка
Волос...

— Да кто же их остриг,
Те косы?

Хорошо на миг
Лет сбросить полтора десятка
И—

в театре, во втором ряду,
Очнуться на свою беду.

Сумбур.

Скользим от темы к теме.
Никак не укротить пера.

Театр примолк в нагретой теми.

И яруса, как веера.

Затянутые в бархат ложи.

Рядов изогнутых зубцы.

И в люстре лампочки похожи

На золотые бубенцы.

Колонок вырезных опор.

Всплывают пятна лиц вокруг.

Но жест короткий дирижера

За звуком вырывает звук.

И вот оркестр чеканит, лепит

Свой грозный мир, свой мир сквозной.
И плещет флейт старинный лепет,
Воркует жалобный гобой.
Светла раскрашенная сцена.
Плоски картонные дубы.
Уж проверяется измена
Под зов герольдовой трубы,
И в реве меди изобильном,
В жестяных латах, наконец,
На лебеде въезжает пыльном
Далеких рыцарей гонец.

Мы не обязаны, не так ли,
Все время отбегая вспять,
Всех видов и родов спектакли
Внимательно живописать.
Пусть Лугин в ожидании бурном
Следит за вымыслом мишурным,
Марину слушает. Отсель
Бежим, у нас другая цель.

Немолчно поезд версты крошит.
Шумят леса. Бегут поля.
Овеянная ночью, строже
Молчит угрюмая земля.
И в тишине глухой и древней
Летят, опущенные в мрак,
Там—за деревнею деревня,
Болото, рощица, овраг.
Вот лай собак из-за забора,

Вот сторож с фонарем.

И—нет.

Вот сухорукий семафора
Навстречу вымелькнул скелет.
И снова темь—Россия—поле,
Моя страна—душа, и в ней
Весь гнет моей сокрытой боли,
Вся правда радости моей.

Он едет. Он зарылся в книжку.
Что встреча?—Бестолковый бред.
Пусть дни опять бегут вприпрыжку,
Пусть он бежит за днями вслед.
Ведь ясно сказано, что с мужем
Она дружна.

— Мы тоже дружим
С женою. Брак—не первый год,
И глупо затевать развод.
Из-за чего? И ропот жгучий
Он резкой мыслью пересек:
— Все это мимолетный случай.
Она—чужой мне человек.
А голос... Весь он гибче, тоньше
Стал, отлитый из серебра.

...Шумят у вешалок. Окончен
Спектакль и по домам пора.
О камни грохает пролетка.
Дворцы, ограды и сады.

В канале скользко режет лодка
Блеск металлической воды.
Мостов узорчатые арки.
Плотнеет, как слюда, Нева,
И белой ночи свод неяркий
Над ней колышется едва.
На небе сизые отливы.
Изваяны дома из мглы.
Копыта бьют. Слова ленивы.
И руки милые теплы.

У каждой комнаты обличье
Свое. И эта так пестра.
В ней проступало что-то птичье
Тона павлиньего пера
Являли кинутые ткани,
Платки, вуали. На диване
Подушек расписных гора.
В глазах мерцает беспорядок
Каких-то лент, портретов, складок.
И мягок пышный пласт ковра.
И лишь рояля черный бивень,
Втянув упругие бока,
Меж легких досок звуков ливень
Неслышно заключил пока.
И на прочищенной до лоска,
На крышке чопорной его
Портрет, не все ль равно кого,—
Мужчина. Бобриком прическа,
Отлично слаженный крепыш,

Плечистый, крепкогрудый. Ишь,
Рост, верно, в эту дверь, не меньше,
В обтянутом по талье френче.
Зачем он здесь?

Ход тихнет. Глянь,
К вагону приросла Любань.
Шум. Толочь. Жидковатым чаем
Себя в дороге угощаем
Здесь или мутным кофейком.
Истерт, до одури знаком
Вокзал. Часы желтеют диском.
Дверь хлопает с железным визгом,
И на затоптанный перрон
Выходит поразмяться он.

Был вечер скользкий, зыбкий, топкий.
Дождь мелко лип на воротник.
Из жаркой паровозной топки
Огня вылизывал язык
Срез рельса, рычага суставы,
Колес крутые обода.
Рябилась между шпал вода.
Проходит Лугин вдоль состава
И видит, как его сосед,
Неспешно выйдя на прогулку,
Пьет молоко, торгует булку,
Довольно щурится на свет.

Что есть сосед дорожный? В тоне
Высоком скажем так:

— Простор

Ночной. И вдруг на небосклоне,
Как спичка, чиркнул метеор.
А вы? Допустим,—здесь дорожка...
Идете, глядя в небеса.
Но огонька скатилась крошка
И кувырнулась за лёса.
На миг вы друг для друга новы.
Пересеклись пути. Но впредь
Ни он вас больше, ни его

вы

Уж не сумеете узреть,
Что, впрочем, к лучшему; тем паче
(Тут я на прозу перейду),
Что нет докучливей задачи,
Как длить расспросов ерунду,
Бесцельно вязнуть в разговорах—
Откуда? Кто? Куда? Зачем?—
Распутывать по нитке ворох
Вагонных специальных тем.
В особенности, если занят
Своей бедой и дум разлад
Нельзя унять.

Но это—клад,

А не сосед. Сидит, не глянет,
Листает книжку.

И легки

Движенья маленькой руки.

И снова, скрежеща от злости,
Рвут путь колеса.

... Сядьте тут

И клавиш резанные кости,
Блестя, меж пальцами бегут.
Восходит звуков колоннада,
Аккордов полных крутизна.
— Я вам спою.

— О, нет, не надо.

В глазах колеблется стена.
И руки подняты от клавиш
И птицами дрожат у губ.
Ты не отпустишь их, ты сдавишь,
Ты сломишь их...

— Нет, не могу...

И той же радости не пряча,
Она не борется, склонив
Себя в ликующий, горячий
И полный музыки порыв,
Когда крылатые ладони,
Сухим огнем клеймя, замрут
На выгибе плеча, на склоне
Бедра. И словно в темный пруд,
У горла захватив дыханье,
Все тело глубоко на дно
В движенье крови, в осязанье
Ритмически погружено.
О, глубже разметать напором,
Измять, измять наготу
Пред ослепительным и скорым
Внезапным срывом на лету.

Прощались. Блики по зеркалам
Упали отраженьем вялым.
Светало за окном...

Вагон

Гремит. Он спит. И видит сон:

Его теснят вокруг гранитом
Дома. Он ищет, он идет.
И ветер, сыростью напитан,
Распенивает груди вод.
Ночь. Слякоть. На панелях пусто.
Мосты разведены. Назад.
И сердце, как свинцовый сгусток,
И дождь слепит его глаза.
И вдруг чеканно режут площадь
Ряды солдат. Идут. Куда?
И скомканная ветром роща
Знамен космата и горда.
На шлемах вытиснены звезды.
Шинели втянуты в ремни.
Опять война? А, может, просто
Здесь маневрируют они.
Вдруг, выделяясь между всеми,
Один глядит в крылатом шлеме.
Оркестр. Театр. Герольда рог
И лебедь блещущий у ног.
И Лугин вскрикнул.

Поздно.—Где мы?

— Да уж за Клином.

Голова

Отяжелела.

(Войско. Шлемы...

Приснится же.)

Близка Москва.

Москва летит в дождливой дымке.

Она просунула вперед

Платформы, стайки дач, завод,

Мигнули желтенькие Химки,

Над Разумовским, как маяк,

Восстал водонапорный бак.

Нахохлясь вислыми ветвями,

Отстали факелы берез.

И будит эхо паровоз,

Проскальзывая меж рядами

Вагонов всех мастей и рас,

Мельканьем заслонивших глаз.

И Лугин вяжет саквояжи.

Сосед? Да он совсем не плох.

Они разговорились.

— Я же

Слышал о вас.

Последний вздох.

В навес стеклянный комья пара

Летят. Застыли рычаги.

Что ж, из вагонного футляра

Вылазь, на улицу беги.

— Вы Колосов? Вот, очень кстати.

Мы вместе были на докладе...

— Да, верно.

— Ну, а мне как раз

В музей нужно быть у вас.

Тут Лугин пишет имя в книжку

И адрес.

Площадь обнесла

Свой скат вокзалами.

И вышку

Ты помнишь?

Длинные тела

Трамваев мягкими толчками

Витым путем между быками

Моста...

Над табором ларей

Реклам теснилась рать.

Скорей.

— Извозчик.

Чемоданы тяжко

Носильщики влекли кругом.

Кичился новою фуражкой

Неугомонный Моссельпром.

Средь спешки, зазываний, давок

В костюмах, в жестах

— в странный строй

Европы деловитый навык

Мешался с русской возней.

Дом недалек.

— Прощай, забота

Забытой юности моей.

Привстали Красные ворота.

Извозчик гонит лошадей.

13/XII 25—18/IX 27.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ИСТОРИЯ

ГЛАВА I

Тьфу, прозаические бредни...

А. Пушкин.

Все? Неужели? Да.—Качалка,
Диван, плетеный стул, комод.
А зеркало?—Вот было б жалко.
Нет, цело.

И цветной капот
Метнулся в комнаты.

На месте
Воздвигнут легкий туалет.
— Ах, право в этом переезде
Все растеряешь. Мочи нет.
Однако, в беготне и в споре
Ослабеваешь суета.
Тишает взмыленное море.
Гроза спадает. Даль чиста.
И покровительственным богом,
Фырча клокочущим баском,
Ярчеет примус медным боком
Под булькающим молоком.
В резные столбики балкона

Глядят два запыленных клена
И стелят тень на белый пол,
На шаткий и скрипучий стол,
На выглаженную дорожку
Блестящей скатерти.

Кругом

По ней звенят тарелки, ложки
Мерцают плоским серебром,
И хлеб румян, и резан узко
Душистый сыр. Ну, словом, в ряд
Весьма отборные закуски
Ковром затейливым стоят.
И под обрывки разговора
Нетерпеливою рукой
По чашкам пестрого фарфора
Уж розлит кофе смоляной.
— Жара.

Нет, масла мне не надо.
Хоть прямо в реку. Ну и май.
— Здесь от моторов пыльновато,
— Но в общем—настоящий рай.
— Хоть похудеть мне в это лето.
А вам прибавить не беда.—
В капот сиреневый одета
Одна высока и худа.
Лицо ее остро и сухо,
И ровен темно-серый взгляд.
Излишней выдержкою духа
Ее знакомые корят.
И впрямь, нельзя без уваженья

Глядеть, как четки и легки
Почти античные движенья
Ее классической руки.
О, смуглолицая камея!
Другая коротка, плотна,
Вся ямочками розовея,
Разулыбалась... как весна,
Как яблоня. Но возраст... Впрочем,
Цветет румянцем и добром.
И, право, мы не опорочим
Ее язвительным стихом.
К тому же переезд не шутки.
Тут—постареешь.

А к пяти

Автобусов гремучих будки
Должны мужей им привезти.
И выйдет—в клетчатом брезенте
Отменно выбрит, весел, чист,
Высокий, круглолицый денди,
Лингвист, гимнаст и теннисист.

— Приятно прилететь на дачу,
День в кабинете проведя.
Я даром времени не трачу.
Вот только б не было дождя.
Как хорошо сбегать с откоса
На золотеющий песок.
Река желтеет. Берег косо
Уходит хвоен и высок.
Прохладна ласковая влага,

Крепчает смуглая рука.
Как папиросная бумага,
Заря прозрачна и легка.
Плыву.

— А после у Ядвиги,
Цветет улыбками жена.

— Ядвига только-что из Риги.
Вот порасскажет нам она.

— К Ядвиге. Что ж.
Пора обеда.

Суп жирен, плотен и прогрет.
— А где ж изменник, непоседа,

Наш легкомысленный сосед?
Его все нет.

— Послушай, Оля,
Что за порядки.

И к тому ж
Такой внимательнейший муж.
Зато одни пойдем мы в поле,
Пусть ищет.

Темные луга.
Дороги выющееся русло.
И гнутся месяца рога,
Сквозь облак блекнувшие тускло.
Вершинами на косогор
Взбегают шелестящий бор.
Такой смолистой тишиною
Пахнет, провеет, обоймет.
И воздуха глубокий мед

Податлив, мягок под рукою.
За сизым жемчугом реки
В деревне дальней огоньки
Краснеют по лесистым скатам.
И чуть видна в неплотной тьме,
Белеет церковь на холме
Вдаль кораблем продолговатым.

Но слышны шорохи по рощам
И смех, и нагнетают сплин
Бряцаньем режущим и тощим
Стальные струны мандолин.
Угрюмо булькают гитары.
Затихли под кустами пары
И визг, и выклики опять.
А где-то из невидных лодок
Десяток бесшабашных глоток
Буденовскую славит рать.
Мелькая важно белой брюкой,
По лугу с тучною супругой
Бухгалтер движется домой.
И им навстречу хмурый дачник,
Ругатель, злостный неудачник,
Хмельной выходит из пивной.

Ах, у Ядвиги Златопольской
Дом полон пестрой толчеи,
Беседы ветреной и скользкой
И кутерьмы.

Там все—свои.
Там щедро пенятся остроты.
Артист, профессор, умник, враль...
Там новомодные фокстроты
Ломают лаковый рояль.
Не в политическом азарте,
Но с напряженьем в тыщу вольт,
Там сшиблись мнения двух партий
— Таиров или Мейерхольд.
Художник ворошит прическу,
Раскрошит Ахр, кроша бисквит.
Писатель выпренно и плоско,
Озлобясь, цензора бранит.
Романы, туалеты, ноги,
Жилплощадь, новости кино—
Здесь все культуры и все боги,
И темы все сплелись в одно.
И даже комиссар известный,
Порой заехав невзначай,
Любуется „прелестной бездной“,
Ядвигаой собранной на чай.

Он стрижен бобриком. На локте
Потерт кургузый пиджачек.
Сидит, покусывая ногти.
И сквозь пенснэ блестит зрачок
Внимательно и близоруко.
Вокруг него и смех, и крик.
Но он спокоен, он привык...
Он кисти рук сжимает туго.

Глядит уверенно кругом
И точно режущим умом
Все регистрирует сквозь призму
Неколебимого марксизма.

Ядвига, милая Ядвига,
Давно ль под сень московских крыш
Явилась ты бедна, как мышь,
С корзинкой, где трепалась книга—
Зачитанный до бреда Блок,
Цветной платок—подарок тетки,
Да католические четки
И пара штопанных чулок.
Томясь неуголимым рвением
К наукам в восемнадцать лет,
Она ходила с вдохновением
На медицинский факультет.
В облезлой крошечной каюте
(Окно на дворик, черный ход)
Она, не мысля об уюте,
Воздвигла череп на комод,
Чтоб глянцевитые надбровья
Запады, выступы кости
Все перещупать, все пройти
Внимательно, почти с любовью,
И мраки гамлетовских дум
Ей вовсе не темнили ум.
В те дни Москва казалась адом,
Отравлена, воспалена.

Удушливым и едким смрадом
Висела в воздухе война.
Вздыхая телом многодомым,
Метался город, словно зверь.
Был день за днем, как том за томом,
Как роспись бедствий и потерь.
Просыпанным рябил петитом
Газетный лист. И тот петит
Долбил с усердьем деловитым
О тех, кто ранен и убит.
Как-будто бы в огромной ступке
Дробилась тупо жизнь. Тогда
Калек неловкие обрубки
Переполняли города.
И в улицах бурел шершаво
Поток шинелей, острых шпор
Бряцал и тренькал разговор.
Уже была сдана Варшава.
И слово „беженец“ в тот год
Вошло впервые в обиход.

Но, как раз'едена гангреной,
Москва была сплошной ареной,
Где в лихорадочном жару
Сплетали тонкую игру
Дельцы всех рангов, видов, марок,
Во френчах, в штатском, в галифе.
Был блеск витрин криклив и ярок.
Звенели музыкой кафе.
И вмешивая злость тупую

В развинченные вечера,
Пору лихую, отпускную
Провести сюда офицера
Являлись с фронта.

— В звон стаканов
Душою одичалой канув,
В легчайшей пудре, в краске губ,
В мираже жадного разврата
Забуть, как звук разрывов груб
И над окопом ночь космата.
И вот вся жизнь — буран, угар.
Моторы дико мчат к заставам.
И храмом пышным, величавым
Горит неугасимый Яр.

Но это долетало мало
В пустую комнатку. Пока,
Сосредоточенна, дика
Ядвига голову ломала
Над листиками ветхих книг.
Бывало выскочит на миг,
Сквозь брызги снеговых искринок
Перебежит Смоленский рынок
На громоздящийся Арбат
В столовку. И опять назад,
Где серебреющие тихи
Спят переулочки Плющихи,
Где на дешевеньком трюмо
Лежит обычное письмо.

Конверт измятый. Штемпель части.
Такой-то фронт. Такой-то полк.
Там в мелких буквах голос страсти,
Как скрипка дальняя, не молк.
Как страшно перечесть. Но снова
Пройти настойчиво, до слова
Дорогу строчек. Чтоб опять
Назавтра новой вести ждать.

В ту зиму в этой же квартире
Жил рядом Лугин, бок-о-бок.

Как много изменилось в мире
С тех пор в десятилетний срок.
Обвалы царств, разрухи, голод
И революций трубный шаг.
Блистанье звезд и смертный мрак.
Кто, жерновом годов измолот,
В крови не задышался?

Но
Все это было так давно.

Тебе, быть может, и не вспомнить,
Как непроглядны и пусты
Шатались стены узких комнат,
Как билась в полумраке ты,
Ядвига, как мечась без толку,
Оторопев, до жути долго,
Роняя стулья на пути,
Не мог никак воды найти
Неловкий Лугин...

Что ж такое?

Теперь все — просто, все в покое.

Прошедшее, как лед, мертво.

Иные выступили даты.

Лишь также сумрачны Карпаты

Над телом друга твоего.

Будя врачей, ища аптеку,

Стремясь хоть чем-нибудь помочь,

По резко блещущему снегу

Пробежал Лугин эту ночь.

Была тускла домов громада,

Хрустел ледок...

В тот самый час

Кого вдоль улиц Петрограда

Автомобиль в сугробах тряс?

Кто, наспех скрученный веревкой

(Костлявый тук, мешок тугой),

Протащен в сумраке неловко

С закинутою бородой?

Продавленная в прорубь ноша

Осела. Хлюпнула вода.

И только черная калоша

Прилипла к тонкой кромке льда.

Здесь время треснуло. О, скоро

Оно обрушится! Поверь.

Уж слышны голоса из хора.

Уже приоткрывают дверь.

И трубы дышат маршем.

Впрочем,

О чем хлопочем, что пророчим,
Нахмутив брови, что твердим
О том, что всякому известно.
Все это старо, вяло, пресно,
Мутно... как папиросный дым.

Сейчас Ядвига на балконе
На кресле, будто бы на троне,
Под восклицанья, смех и шум
Повыложила все трофеи —
Неугомонных мод затеи.

— Вот синий вязаный костюм.

Теперь такие носят только.

Вот платье шелковое. Глянь.

И с восхищеньем гладит Ольга
Прозранно-матовую ткань.

Вот туфелек литые лаки.

Как дымчатые лепестки,

Пред ней расстелены чулки,

Горят платков цветные флаги,

Духов мерцающий набор

(Искристый, драгоценный вздор,

Все то, что каждой даме снится,

Причина крахов и растрат).

— Да что тут скажешь

— Заграница,

Куда уж нам!

И горд, и рад,

Клонясь над женской болтовнею

Расчесанною сединою,
Ядвигаин муж, почтенный спец,
Директор треста и делец,
Храня благополучный вид,
На Ольгу Лугину глядит.

Сырым прохладным ароматом,
Густой и влажной тишиной
Томилась ночь.

Шуршащим садом

Под шалый лай собак домой
Вернулся Лугин. Темны стекла.
Дорожка от росы намокла.
Нет никого. Ушли. Не ждут.
Он сел на мокрую скамейку,
Снял шляпу. Липы пахли клейко
И небо,—как глубокий пруд.

— Да, так. Все валится. Нет денег.
Нейдет работа. Суетни
Полны пропыленные дни,
И я толкусь, как неврастеник.
И вьется ложь в душе, как моль,
И злость грызет, и ломит боль.
Пора расплесть проклятый узел,
Все перестроить навсегда.
Я сам себя скрутил и сузил.
Я должен выпрыгнуть...

Куда?

Поеживаясь от ночного
Дыханья, в шелесте теней
Он на балкон проходит снова
И ждет у закрытых дверей.

14/VIII—21/X 26.

ГЛАВА II

Что мы такое?

Как пойму я,

Как выверить себя могу?

Вот впечатленья врассыпную

Пестреют и снуют в мозгу.

И чувства жгут, цветною тканью

Свиваются воспоминанья.

И мысли в медленной борьбе

Восходят сами по себе.

А я?

— Меня несут привычки.

Я падаю в текущий день,

— Уроненная кем-то тень.

Я — огоньком зажженной спички

Во тьме мигну — и без следа

Загасят искорку года.

Но так бывает не всегда.

Внезапный подвернется случай,

Как камень под ногу.

И, вдруг,

Словно предчувствием падучей

Болезни разорвется круг.
И ты упрешься в этот плоский
И гладкий мир, сжимая крик.
(В забора струганные доски
Так тупо рог заклинит бык
И замычит).

Тут без сомненья
Имеются свои леченья.
— Словно корабль, в укромный рейд
Тебя введет профессор Фрейд.
И докторов глухое племя
Отроет спрятанное семя,
Отыщет вожделений нить,
Распашет впечатленья детства...
Да, впрочем, есть и крепче средства
Обезопасить и смирить.
И потому таись до срока,
И улыбайся, и молчи,
Чтоб ветер не задул жестоко
Самопознания свечи.

Всю ночь у Ольги зубы ныли.
И по утру бледна, томна
В Москву сбиралась она.
Дождило. И автомобили,
Мелькая лаками карет,
В грязь втискивали жирный след.
— Ты скоро возвратишься? — Скоро.
— Мне нужно... Я сказать хотел...

— Нет, нет. Сейчас не надо дел. —

Она боялась разговора.

— Я нездорова.

Быстр и скуп

Был поцелуй холодных губ.

Она спускается в аллею.

Взметнулось желтое пальто,

Зонт парусом летит над нею . . .

Так восемь лет — не то, не то.

Они сошлись в иные годы,

Когда впервые над страной

Огромный колокол свободы

Хмельною загудел волной.

Что Лугин был тогда? — Мальчишка,

Студент, философ, фантазер,

На мысли и на ноги скор.

Жизнь — занимательная книжка.

Он на ходу листать умел

Ее средь всевозможных дел.

Тогда вокруг напропалую

Митинговали. Стар и мал

Неиссякаемо болтал.

Вопросы ставились вплотную.

Гремели с'езды. В общий шум,

Томим переустройства жаждой,

Упорно впутывался каждый,

Прозрев в себе высокий ум.

Казалось, нехватало зданий
Для неустанных заседаний,
И красноречия пожар
Выплескивался на бульвар.
Под бронзой пушкинского лика
Рябил толпы кипучий круг.
И на ступеньках взмахи рук,
И голос сорванный от крика,
И чья-то речь, как ржавый нож,
Раскрамсывает строй вселенский...

Тогда, как детский шар, Керенский
Был пущен из масонских лож.

И только по предместьям дули
Тугие, злые ветерки.
И в ружья вкладывали пули
Красногвардейские полки.
И на вокзалах не редели
Однообразные шинели
Зачем-то с фронта наугад
Солдат вернувшихся назад.

Да тихо созерцая где-то
Душистое сухое лето,
И лысоват, и невысок
Какой-то житель неизвестный
Под шелест трав, под шум древесный
Писал статейки, грел чаек
И улыбался, —
Твердо зная,

Что забурлит струя крутая
И скоро будет каждый дом
Обрызган этим кипятком.

Взволнованный слепой тревогой,
Метался Лугин, как в бреду.

— Как быть? Какой итти дорогой?

Куда примкну я? Что найду?

Война всю душу тяжело смяла.

Конец войне. Но и за ней

Ему мерещилось начало

Невнятных, воспаленных дней.

Казалось, прядают во мраке

Далеких резких молний знаки,

И веял свет, звучала весть,

Приоткрывались испытанья;

Но сердцу нехватало знанья

И зренья не было прочесть.

И словно — все плывет и снится,

Хрипит и мечется Москва.

Везде — оскаленные лица,

Полубезумные слова.

И над рокошущим миражем

В нем злоба странная росла.

— Мы встанем, мы еще покажем.

— Все переплавится до тла.

В то время круто над бульваром

Стоял многоэтажный дом.

Потом он был размыт пожаром,

Изглодан медленным огнем.
Но, доживая час последний,
Еще берег порою летней
Он пышный и уютный мир
Нарядно убранных квартир.
Там обитал исконный житель,
Чудаковатый меценат,
Издатель, критик, поощритель,
Талантов нераскрытых брат,
Кормилец неокрепшей музыки,
Друг молодежи, хлебосол.
Все направленья и союзы
Питал его просторный стол.
Тут забавлялись, как попало.
Бывало гомонят всю ночь...
И, как принцесса, возрастала
Его единственная дочь.
Вынянчивая цвет богемы,
Он не боялся смелой темы,
И каждый выпрыг и заскок,
Ужимка слова, вычур кисти,
Бенгальский блеск трескучих истин,
Изгиб невероятных строк —
Все плавилось в гостеприимном
Чаду беспечных вечеров,
Средь хрусталей, картин, ковров.
В салоне говорливо-дымном
Всяк оседал, кто хоть бочком
С искусством новым был знаком.
В тот год хозяину любезней

Всего был футуризм. Да, Да.
Почти подобное болезни
Пристрастие он имел тогда
К углам раскрашенных полотен
И к призмам, источавшим цвет.
Как часто деловит и плотен,
Персидский выпучив жилет,
Взметнув лорнет к больному глазу,
Оглаживая свой сюртук,
Цинизмом сдобренную фразу
Здесь расплетал Давид Бурлюк.
И выпятивши подбородок,
Жуя окурок крепким ртом,
Другой российский самородок
Сидел за карточным столом,
Оглядывался волчьим взглядом
И корпусом сутуловатым
Сминал диван. И воздух тряс
Его тяжелый хриплый бас.
А тут ютились и юлили,
Дерзали в прозе и в стихах
Поэты, смешивая стили,
Хватая славу впопыхах.
И, как нахохленная птица,
Бывало, углублен и тих,
По-детски Хлебников глядится
В пространство замыслов своих.
Случалось, пестрая квартира
Пропахнет запахом эфира,

Иль шелестящий кокаин
Мерцает в костяной коробке,
Иль, хлопнув, высвободят пробки
Рубиновые струи вин,
Иль просто спирт взмутит стекло
Граненых рюмок стебли тонки.
И люстр искристые коронки
Безумие заволокло.

Хозяин истовый, любезный
Достанет все из-под земли,
Он любит постоять над бездной
От современности вдали.
И после, седенький и хмурый,
Он повздыхает над культурой
И, вспоминая древний Рим,
Ворчит: — и мы, и мы сгорим.
Что делать нам? „Нальем бокалы“, —
Как это сказано? — „Умы
Утопим, да заварим балы
И встретим царствие чумы“.

Но дочери изрядно скучен
Был этот бестолковый шум.
К иным томлениям приучен
Ее неторопливый ум.
В закрытые ее покои
Не доносился вечный крик.
Вдоль стен лиловые обои,
На этажерке стопка книг.

И Будда в бронзовом молчаньи
Скрестил ладони, и светло
Его высокое чело.
Все—ожиданье, все—вниманье.
Вокруг тяжелый запах смол.
Цыновки выстелили пол,
И колокольчики из пагод
Висят над маленьким столом.
Здесь вечерами тени лягут
И дух забредит о былом,
О смутно брезжащем, далеком,
Об Индии, о сменах рас...
Теософическим Востоком
Прильнет к душе закатный час.

Нет, Лугин, верный посетитель,
Участник сборищ, не входил
В замороженную обитель.
Он только издали следил,
Как над бедламом неумным
Сияла Ольга взглядом темным
И веял, словно запах смол,
Над нею тайный ореол.

Что так могло воображенье
В нем взбудоражить и зажечь?
Ее свободные движенья,
Сосредоточенная речь,
Налет какого-то покоя,
Где под ледком чиста, пряма

Сквозит кристальною струею
Игра участия и ума.
Она ему казалась спящей,
Еще почти ненастоящей,
Но прикоснись к душе — и вот
Она заблещет, запоет.
Он игнорировал обычай
Их жизни. В нем затеплил свет
Немного вычурный, девичий
Воображаемый портрет.

Так пропылав всю ночь до света,
Встречая летнюю зарю,
Он нервничал — да что же это?
Я выясню, поговорю.
И по бульварам предрассветным
Бродил, не торопясь домой.
Ясно небо краем бледным.
Деревья тихою волной
Чуть шевелились.

Еле-еле

Прохлада по лицу плыла.
И в сизом утре розовели
Зарю дальней купола.
И голосистый, и счастливый
В листве ликует щебет птиц.
Постой, мечтатель торопливый,
Не разворачивай страниц
Своей судьбы.

... А втихомолку
Восстанье зрело. Чуть дыша,
Будто сквозняк вползало в щелку,
Накапливалось не спеша.
Тут вспыхивало странной речью
И, снова уходя под спуд,
Вжималось в давку человечью,
Тут — поддувало самосуд.
И вдруг гремучий, четкий, краткий
Ружейный залп просыпал треск.
И над Арбатскою площадкой
Разрывов желтоватый блеск.
И город сразу сжат за глотку
С Замоскворечья до Кремля.
И пушек тяжкая походка
Мнет воздух, глухо шевеля
Бульвары, содрогая стены.
Тут поздно клясть, искать измены,
Тут выйди в сумрак и молчи.
Воюй за мир и спорь о хлебе.
Огни шрапнельные на небе
Столбами рушатся в ночи.
День перемирья слеп и бледен.
Отрезан скомканный погон.
И кличет сумрачный Каледин
Своих соратников на Дон.
А над бульваром синим дымом
Чадит разрушенный костяк.
Как знать, остался ль невредимым

Пропавший с дочерью чудак.
Стена глядит пустым проломом.
В бульварах изморозь и тьма.
И вздула пеленой над домом
Снежинки первые зима.
Стоят хвосты у хлебных лавок.
Декрет наклеен у ворот.

И Лугин, утомясь от справок,
Уже не верит и не ждет.
Разрыхленной могильной ямой
Распалась перед ним Москва.
Но голос юности упрямой
Твердит, что жизнь всегда права.
И он воспрянет постепенно
Тем более, что через год
Он Ольгу все-таки найдет.
Скорбь молодости, легкой пеной
Истаиваешь ты—и лишь
Тревогой сердце закалишь.

Но если юность за плечами
И к ней возврата не найти,
А ты с порожними руками
Стоишь, как нищий на пути,
Умом смущенным, неумелым
Томишься над привычным делом,
С друзьями, с верною женой
Простой не дышишь тишиной,
— Пусть в тайне это душу гложет,
Молчи, суров и углублен...

Но Лугин—он молчать не может,
И в липкий дождь выходит он.
Чуть слышно капель ткется сетка,
Сквозь тучи отблеск заревой.
— Ядвига, добрая соседка,
Хоть ты поговори со мной!

Бредет аллеей наудачу.
Ребенок плачет у плетня.
Тут самовар несут на дачу,
Пьют чай, стаканами звеня.
Тут кто-то пробежал с портфелем,
Не подымая головы.
(Жизнь тянется к свершеньям, целям
Через колдобины и рвы.)
А около стеною хвойной
Плывет багряноствольный лес.
В разрыве туч блестит спокойный
Кусок сиреневых небес,
И юный месяц тонко свесил
Литой и острый ободок.

И Лугин вдруг почти-что весел —
Все разрешится—дайте срок.
Словно приподнятый над телом,
На миг пронизанный огнем,
Вот он владеет миром целым
И лес, и месяц дышат—в нем.
Охвачен жгучей лихорадкой,
По лестнице взбегаёт шаткой.

Сидят фигуры у столов,
Играют в карты.

— Лугин, стыдно.

— Совсем пропал.

— Что вас не видно?

— Вы не больны?

— Нет, я здоров.

21/XI 26—5/I 27.

ГЛАВА III

Еще мотор дрожал, деля
Темь лиственную,
брызнув глазом
Стеклянным, обминал поля,
В охапку схватывая разом
Заборик, перелесок, дом...
Он издали звездою колкой
Мигал.

И вдруг вся ночь в осколки
Разбита световым крылом.
Поберегись и отбеги
В сторонку, путник.

— Свистнут шины.
Пыль ест глаза. И вновь ни зги.
Сомкнулись тишиной долины.

А там внутри в летучем кубе,
Секущем сумрачные глуби,
Лишь скорость переняла дух.
И мимо—ветра злое пьянство.
И, взбившись, рушатся пространства
На грудь сидящих—этих—двух.

Что? Лугин? С кем? Куда? Не ждали?
— А чорт!

Ту-ру, ту-ру...
Рывком

Руля отбиты к боку дали,
И улица ползет горбом.
Дома обхлестывает эхо.
Пыхнув, по фонарям погас
Внезапно выключенный газ.
Вот—гномов странная потеха.
Костер. На мостовой дыра.
Здесь им копать до утра,
Скрипеть железом.

(Буду точен:

То по ночам чинить рабочим
Водопровод—не гномы, нет.)
Свой купол университет
Вздул. И уже манеж. И реже
Мотор буравит мрак.

Но где же

Конец пути? Сейчас конец.
Кремлевской башенки зубец.
Гладка твердыня Метрополя.
Наплыл с Лубянки циферблат.
И, лет машины приневоля,
Путь переулки громоздят.
Стоп.

Дом.

Он кажется тяжеле
Других, в кариатидах весь.

И Лугин смотрит.

— Неужели?

Подъезд?

Конечно. Жил он здесь.

Они вошли. Вновь повторяя,
Как бы во сне, прошедший ряд
Событий,

— лестница крутая,

И тускло лампочки горят.
Дверь. Войлок. Порвана клеенка.
И краска на площадке та ж.
— Сюда?

— Нет, выше на этаж.

Замок английский щелкнул звонко.

— Прошу.

И резко залил свет

Обои, мебель и паркет.

Знакомство странное.

Давно ли

Балкон, Ядвига, смех гостей.
Сверчки высверливали поле.
Толпились звезды меж ветвей.
Гул поздравлений. Очень ловко
Муж получил командировку
В Германию. Как фейерверк,
Его искристая карьера.
С ним рядом всякий нынче мерк.
Вокруг витала атмосфера
Удачи, благодати, щедрот,

Улыбок. Сам он, как невеста,
Был мил.

Ему смотрели в рот
И с чувством уступали место.

И все ж совсем не весела
Ядвига.

— Что ты? Иль не рада?

Играя кистью винограда,
Она глазами проплыла
Навстречу Лугину.

— Не знаю.

Она поправила платок
И ткань пунцовая, сквозная
Скользнула вниз до самых ног.

— Я сяду около.—Конечно.

— И помолчу. Мне очень жаль...

Но в пальцах засверкал хрусталь,
Вино журчит струей беспечной.

— Так за отъезд, за добрый путь,
Вернуться и не утонуть.

Споткнувшись на последнем тосте,
Любезные прощались гости.

Взлетали восклицанья дам,

Крепки мужей рукопожатья.

Скрипит песок, белеют платья

И сходят в тень по ступеням.

.....
Здесь отступленье.

Был летчиком.

Гриша Бродин

Студент-юрист.

Приказ. Осмотр врачебный.—Годен!
Как яблоко, здоров и чист.
Недаром Волги плавной плесы,
Нижегородский ладный край
Его растил.

Там летом—рай.
Расстегнут ворот, ноги босы,
Нырять, рыбачь и загорай.
Ставь лодку под крутые волны
В шатанье маслянистых вод,
Когда проходит мимо полный
Широкоплечий пароход.
Да, мало ль?..

На горячем пляже,
Что может быть вкусней, когда
Ухой проварится стерляжей
Солоноватая вода.
Вот результат—
Бой сердца четок,
Грудь выпукла.

Идет муштра.
Часы равнений и походок
Отхлопывают юнкера.
Фронт. Вонь окопов. Осень. Блески
Разрывов ночью. Склизь и нудь.
На третий день успел в железку
Он до рубашки все продуть.
Какую! Здесь умирать не марка.
Нажал туда, пощупал тут.
И вот команда авиопарка.

Тугие крылья воздух мнут.
Ползи, покачиваясь, глубиью.
Земля осела, бьет мотор.
Внизу огней резные зубья
Рвут громыхающий простор.
Да, это дело...

Но однажды

Зашелся на бок край крыла,
Земля мотнулась кверху, каждой
Ложбиной на лицо ползла.
Десять минут рулями дергал
И забивал под низ поля.
Но воздух—жалкая подпорка.
На шее ветер, как петля.
На грудь скакнуло небо. Бликом
Одним вся жизнь его зажглась.
Вокруг.

Рябится мелким тиком

С тех пор висок и левый глаз,
И в памяти пошли провалы,
И дрожь в руке, и мутен гнев.
В бинтах, как труп, лежал сначала
Он, замолчав и засмирнев.
Лишь как-то на шестой неделе
Попалось зеркало.—Ну, ну.
Там кости лобные твердели,
Вздывая кожи желтизну.
— Пожалуй, и сама мамаша
Не знала бы, признать иль нет.

Тем временем событий каша
Забила фронт и лазарет.
Еще не разбирая толку,
Но ясно видя—дело дрянь,
Напялив брошенную рвань,
Он влез в теплушку втихомолку
И по путям и без путей
Его таскало двадцать дней.

Как все вокруг, он стал солдатом
Еще больной, ощерен зло,
Пустое небо рушил матом
И на вокзалах бил стекло.
Словно тогда срываясь в яму
Земли, он взбившимся крылом
Не в воздухе, в своем былом
Не удержавшись, рухнул прямо
В другой и век, и быт, и строй.

Постреливали над Москвой.

Весьма естественно.

Когда б

С вокзала вылез он и тот же
В лубочной пышности не отжил,
Беспечно вычурен и слаб,
Добротный город, если б звонкий
В своей пестреющей лence
С румяной радостью в лице
Толкал трамваи в перегонки,—
Ну, в общем, ежели б сама

Москва не изменилась—

это

Был бы кусок такого бреда,
Что просто б он сошел с ума.
Но здесь стреляли.

Пустовато.

Холодновато.

Туч тряпье

Обвисло.

Видно, шла расплата.

Он к мосту.

— „Пропуск“!
и ружье

Уперлось в лоб.

— Куда? откуда?

— Документы.

Вопрос мудрен.

Сурово отряхнулся он.

— Ты с нами будешь?—

— С вами буду.

И к вечеру его отряд
Спокойно, деловито, просто
С Дорогомиловского моста
Уж просочился на Арбат.

Словно плечом раздвинув время,
Так он вошел в эпоху.

Дня

Четыре в сырости и в теми
По переулкам шла возня

Ружейных залпов. Были метки,
В бульварах простригая ветки,
Излеты пуль. В пустой Тверской
Осколки стекол под ногой,
Намокших вывесок заплаты,
Витрин поблескивали латы.
Присесть, пригнуться за углом...
Он скоро сдался, красный дом,
И Скобелев, взлетев над крупом
Коня и саблю заломив,
Его не спас.

Не медным трубам
Воспеть ненастье и порыв.
Была проста, как хлеб, победа,
Неумолима, как свинец.

И Бродин в здании Совета
Учтен, как первый военспец.

Организация. Не мешкай.
Он понял—пыл его и злость
Лишь ход в игре дебютной пешкой,
Лишь метко брошенная кость.
Он, выпавший с аэропланом
В хаос, увидел в первый раз —
Жизнь может быть заданьем, планом
Простым и ясным, как приказ.
Он загорелся.

— Значит, четко
Печатай шаг и время гни.

Пусть революция, как щетка,
Прочешет против шерсти дни.
Рвать, словно пуговицу с мясом,
Себя из прошлого.

И он

В работе свинчен с новым классом,
Разбег борьбы—ему закон.
Здесь биография—лишь список,
Лишь формуляр.

Фронты, года,

Пайки, сыпняк и поезда.
День торжества далек ли, близок,
Не время разрешать вопрос.
Он неуклонно службу нес.

И вот, устав от дел, он как-то
Раз оглянулся:

кабинет

Лил глянцевито-синий свет,
Ряд диаграмм, где сжаты факты,
Бумаги ворох, на бюро
Желты густые блики лака,
Меж пальцев вечное перо;
Он плотно влит в костюм...

— Однако!

В окне Кузнецкий. Дам рои
Манто развеяли свои,
Как птицы у витрин.

(Да. Надо

Не позабыть послать жене

Духи. Она из Петрограда
О них уже писала мне.)
— Однако же... Он встал. И даже
Лицо потрогал—ну, и гусь!
Ишь раздобрел, самой мамаше
Такого не узнать, боюсь.
Но стукнул секретарь. И скоро
(Портфель тисненый, как змея,
Прижат к бочку):

— Да, это я!

Для делового разговора
К нему вошел почтенный спец,
Его сотрудник и делец.

В ту ночь он запил.

Гришка Бродин

Студентом прежним и хлыщом
Пред ним в дыму маячил.

— Годен!

Куда он годен? Дело в чем?
Опять вставало все, как было.
Какого ж чорта рвал он жилы!
Не доучли. Долой учет.
Не достреляли, видно, Гришку,
И он, напяливши манишку,
Пойдет отплясывать фокстрот.
Перетирались связи класса.
Какой тут класс? Он всем чужой.
Он сам—ходячая зараза.

Его бы в цифру, в строку, в строй,
Загнать под рубрику, взять в скобку.
Завязло колесо во рву.
Тащи назад. Найдешь ли тропку,
Из нэпа вырвешь ли Москву.

Лишь светом утренним остужен,
Он вскинулся—

Итти пора—

Все дело в том, что я контужен,
Пусть лечат нервы доктора.
Он сделался на службе лютым.
Фордизм. День скручен, будто жгут.
Дела, как стрелки по минутам,
В кругу ползут. Угрюм и худ,
Он забивал разлад под спуд.
Им любовались.—Вот работа.
Работой до седьмого пота
Он доводил секретарей.

И только вечерами в раме
Окна ложится мрак углами
И полосы от фонарей
Вползают длинным отраженьем,
Зацепят косо потолок,
И с собственным воображеньем
Заводит Бродин диалог.

— Ты здесь?—Я тут. Чего мне надо?
Эх, ты, фигура из плаката!

Пришли другие времена,
А ты все думаешь — война.
— Но выкладками экономик
Я докажу, что все равно
Мы победим.

— Ты, Гриша, комик.

Вы победили уж давно,
Да я не прогадал при этом.
Как видишь, чист, одет, живу
Весьма свободно, наяву
И даже огражден декретом.
Советую...—Не смей!

— Да я...

— Ты сдох давно! Ты пал на фронте.
— Ну, братец, фронта вы не троньте.
Фронт—то особая статья.
А—в общем, будь со мной любезней...

Бывают всякие болезни,
И здесь довольно сложный вид,
Когда давно забытый быт,
Приняв твой прежний облик, бойко
Вдруг о политике, о стройке
С развязной миной говорит.

— А главное, давно уступку
Ты сделал мне.

— Когда? Не ври...

— Да скоро будет года три.
Идею выменял на юбку.

Жена твоя. Ей что? Рояль
Да верхнюю поставить ноту.
Ее не вытянешь по НОТ'у.—
Кривился озлобленный враль.
И Бродин вскакивал. Жгла водка.
Была шатка его походка.
Сплывались тени по стене.
Он знал и сам довольно много,
И сам не доверял жене.

Припадки затаил он строго.
Но неожиданно упал,
Словно весенний гром, скандал.

. . . . .

Рукопожатья, платья дам
Светлеют по аллеям.

— Скоро

Увидимся.—

Вдруг треск мотора.

Лучи легли по ступеням.
Выходит Бродин из каретки.
— Голубчик. Гость родной и редкий,—
Расплылся муж,
— Вот в самый раз.—

Прошел, не подымая глаз.
Бряк в кресло. Голову в ладони.
Смех оборвался на балконе.
Лишь чья-то звякнула в руке,
О блюдечко ударив, ложка.
И тихо. Где-то на реке

Далеко охает гармошка,
Зайдясь в кромешном трепаке.

Глаза распяливая волчьи,
Прощупал всех. И ясно так:
— Что сразу замолчали, сволочи?—
Шатнулись дамы. Муж примяк.
— Послушай, Гриша.

— Прочь от Гришки!

Ах, ты, Евро-па!... Вспучил хвост.
А я вот дам тебе по крышке!—
Он встал во весь громадный рост.
Был страшен обликом огромным,
Косая сажень вдоль плеча.

Лицо Ядвиги стало темным,
Она горела, как свеча.
— Уйдите вон!—

Они глазами

Друг в друга врезались.

Потом

Она спокойными шагами
К нему подходит.

— Ну, пойдем.

Тот пошатнулся.

— Что? Вам худо?

— Вот Лугин. Он проводит вас.
Не правда ль, Лугин?

— Да сейчас...

Как просто совершилось чудо.

Ядвига весела почти.
Уж потолок не давит плечи.
Все шевельнулись. Страх далече.
И Бродин—он готов итти.
— Конечно, отдохнуть вам надо...
Сошли. Как вечер пуст и тих..
— Я завтра буду очень рада
Увидеть снова вас двоих.
Лишь у машины Бродин круто
Вдруг повернулся и рукой
Приподнял шляпу, на минуту
Застыл, в каретку влез.

Покой

Сжал горло Лугину.—Его я
Встречал когда-то. Где, где, где?
Сквозь пленку тонкого покоя,
Как отражение в пруде,
Он видит:

Стол, балкон, к перилам
(Так видишь память дальних лет)
Движеньем напряженно милым
Склонен Ядвиги силуэт.
И—миг. И—ночь. И—нет.

Молчали.

Как волны, версты наплывали.
Пространство выгнулось горбом,
Сползало, оседая ямой.
Ссыпались стены в бок.

Тот самый

В лепных кариатидах дом.

— Заедь к десяти. Ответ шофера.

— Ну, я пошел.

— Да нет, ко мне.

Переночуешь, что ты.

Серо

Свет полз по неба крутизне.

Вошли.

Огонь зажгли. Присели

Друг против друга.

Скоро два.

.....
Все круче, диче, все тяжеле

В рассвет карабкалась Москва.

31/V—6/VI 27.

ГЛАВА IV

Откинешь штору—узкий двор.
Залитая в асфальт площадка.
Сараи притулились, кладка
Кирпичная стены в упор,
Мир черных лестниц, окон тесных,
Фанерою забитых рам,
Подъездов и перил железных,
Мир запахов от сорных ям.
Сюда не раз сходил с опаской
Бывало Лугин.

Крепкой краской

Морозных пышных зорь прокрыт
На крышах снег. И ветром взрыт.
То розовый, то голубой
Дым пучил клубы над трубой.
Здесь Лугин вскидывал и ловко
Ронял топор. И, глянь, сосна
Вдоль лезвием расщеплена.
С березою нужна сноровка,
Она плотна. И глуше стук,
Коли зацепишь сталь о сук.
Еще второе ждало дело—
Втащить по утру со двора

Два звонких жестяных ведра,
Где булькала и холодела
Вода и сплескивалась, лишь
Рукой сильней пошевелишь.

О, этих лет упорный опыт!
Проникновенье в суть вещей.
Мы знаем цену, нами добыт
Смысл невесомых мелочей.
Ты можешь надрываться злобой,
Гореть в немыслимой любви,
Но хлеба жесткий кус—попробуй
Им пренебречь—и проживи.
Нет. И скрипя ползут салазки,
Лицо тебе слепит снежок,
На них промерзлых щепок связки,
Рассыпчатой муки мешок.
— Вот мера дней твоих.

А все же...

И Лугин в думы погружен.
Он вылезти готов из кожи,
Пять лекций в день читает он
В Политпросвете, в Пролеткульте,
В казармах—о теченьи звезд,
О революциях, о культе
У египтян и славит рост
Наук естественных и с жаром
Рукою машет.

Но по нарам
Махорки прет вязкий смрад,

Насуплены глаза солдат.

— Вопросы?

— Нам дойти б до толку

О продразверстке. Не втерпеж...

Куда податься? Под метелку

Отряды вычистили рожь.

Сгрудились, распылались лица...

Но убежденным языком

Отстукивает политком:

— Все полегчает. Дай пробиться...

Дай скинуть со спины пока

Деникина и Колчака.

Откуда это?

Разве стены

Домов не сырость есть, а след

По ним растекся давних лет.

Как раковина шепот пены

Таит, так в комнатах уснул

Отжитых дней невнятный гул.

.....

Тут Бродин поднял веки. Серым

Лицом налег на локоть.

— Что ж,

Не выпьем ли на сон? Не пьешь?

Мы, знаешь, тихоньким манером.

Мне из Голландии коньяк

Недавно затащил моряк.

Он снял пиджак; нырнул сутуло,

Погромыхал внизу у стула,

Извлек бутылку. Хлопнул сок

В стекло тягучий, как желток.
И разлохмаченным медведем
Мотнулся в комнатах.

Их две.

Усталость вязла в голове
У Лугина.

— Так и на третьем...

Этаж здесь точно повторен,
Как нижний.

Там присядет он
К столу.

Бок накален у печки.
Над чайником порхнут колечки.
В стакане золотись, крепчай,
Распаренный пайковый чай.
Перо испестривает крапом
Листок—линеечки, значки.
(Так мелко вяжутся чулки.)
Переползая по ухабам
Сомнений, он до самых глаз
В невыполнимый труд завяз.

Он чует—в смене наслоений
Искусств, в развертываньи школ
Истории могучий гений
Творит свой мудрый произвол.
Тут—узел знания. Раздвиньте
Теорий блажь. Но где же нить?
Где ключ в умершем лабиринте,
Где мысль, чтоб все объединить?
Пусть Ольга говорит о духе,

Плоть жизни для нее мертва.
К ней ходят добрые старухи
Вздыхать о тайнах естества
И в глуби мудрости индусской
Плывут, как в пристань тишины...
Но мерзлый вихрь в Мясницкой узкой,
Но смерть, но призраки войны,
Но голод—хмурый обыватель
Разбитых, вымерших квартир...

И Лугин бродит, как предатель,
Отступник, вредный дезертир,
Ни то, ни се, ни богу свечка,
Ни ведьме веник.

В рябь строки,

Подымывая, кинет печка
Язвительные огоньки.
Заброшен труд. О, нет, ему ли
Ключ отыскать? Он проглядел
Жизнь за туманом умных дел.
Он сам бы стал теперь под пули,
Он заслужил себе расстрел,
За воровское безразличье,
С которым он со стороны
Глядит на нищее величье
Ползущей на подъем страны.
И часто... Бред. Штык звяк о ручку
Дверную... Топ сапог...

— Я здесь.

. . . . .

— А ты видал такую штучку?
Компактность экая. На, взвесь.
Плоска, словно коробка килек.
Под крышкой рычажки. И звон
Стальных пружинок.

— Это стилик!

Самоновейший граммофон.
Привинчен ободок. Пластинка.
Шипенье выбилось на миг.
У Бродина, как паутинка,
Заерзал по морщинкам тик.
И храпом саксофонных глоток
В треск ксилофонных кастаньет,
Застряв на барабанах,—четок
Фокстрота звуковой скелет.
Но сброшена мембрана. В уши
Дробь брызнула. И ковкий ряд
Ударов сломан.

Бродин—взгляд

Уставил тяжелей и суше.
Стрекочет быстрый диск опять.
И голос, будто сплющен, хрупкий
Из металлической скорлупки
Слова распределяет:

— Рать.

Пролетариат. Успех расценен
Наверняка. Картавых фраз
Чеканится скупой рассказ.
Так молот бьет.

— Кто это?—Ленин.

Похож?—Я не слыхал.

Его

Я видел только раз.

И внятно

Раскрылся образ:

Рдеют пятна

Костров. Ночь. В улицах мертво.

Мороз грызет лицо. Но пуще

Вся площадь шевелится ждущей

Рядами сросшейся толпой.

Дежурят всадники. Копыта

Стучат. И грива перевита

Серебряною сединой.

И блеском окон обведенный,

Огнями добела налит,

Всю ночь фасад желтоколонный

Зубцами стягов шевелит.

Вдоль белых лестниц грузный шорох

Подошв.

(Так приводной ремень

Вьет шелесты.)

И крепов тень

Стянула люстры, спит на хорах.

Оркестрдохнул.

И в пальмах гроб.

Френч желтый.

Человек и воин.

Застыли руки. И спокоен

Огромный глянцевитый лоб.

— Еще послушай. И за плечи
Взял Бродин гостя. В аппарат
Глядят. Глухого баса речи
Над тесной комнатой царят.
Слова раздельны и негромки.
То, словно колокол вдали
Гудит.

— Да ведают потомки
Судьбу своей родной земли.
Темь. Келья. Блик лампы дымен.
Там за стеною глад и мор.
Но в тишине слагает Пимен
Несокрушимый приговор.

И все ж нелепая затея,
Пустой и вздорный анекдот
Всю ночь высиживать, тупея
От хрипа граммофонных нот.
В висках у Лугина от злости
Заныло.—Эта болтовня!
— Чего он хочет от меня?
А тот, выпрашивая гостя,
Цеплял руками за жилет:
Кто Лугин, где живет, как служба?
Будто их связывала дружба
Или родство из давних лет.
Фу, глупость! Словно подсудимым
Был Лугин. Приговор готов.
Допрос—лишь проволочка, слов

Пустая сеть.

Так он по зимам

(Вдруг всплыло) ожидал тогда,

Не зная сам за что, суда.

А тот вытягивал по нитке.

Влипала прошуль мутных глаз.

— Послушай, друг, не будем притки,

Давай, все выложим о нас.

Спать поздно. Значит, будет впору

Так посидеть.

— Мне все равно.

И Лугин встал, отдернул штору.

Двора глубоко стынет дно.

Ничто не долетит до слуха,

Все спят. Уступы грузных крыш.

Расхлябанная никнет глухо

На камни липнущая тишь.

О, прыгнуть вниз!

Он вздрогнул.

Что же?

И сел. По лбу холодный пот.

Сказать?

И разве тот поймет,

Что беспризорник он, прохожий,

Ненужный сторож у стены

Искусства пламенной страны.

О, если бы душа владела

Познанием творческим сама,

Он бы прожег себя до тела

Зарей свободного ума,
Он бы спаял единой цепью,
В едином ритме свил тесней
И дней былых великолепье
И гулкий звук грядущих дней.
— А так бессвязно, втихомолку
Чужие помыслы жую,
Подглядываю, будто в щелку,
Жизнь и потом леплю статью,
К явлению подклею билетик,
Здесь критики закину хлыст.
И в общем, кто я?—Теоретик,
Искусствовед, специалист.

Он спохватился—где я, что я?
При чем тут Бродин? Что за речь?
Нет, нет, не Бродина—другое
Ему хотелось гневом жечь,
Ему казалось—под ногами
Внизу, в каморке, и сейчас
Он сам, не подымая глаз,
Еще томится над листами,
От жадных чаяний оглох,
Еще надеется, разиня,
Что выудит в чернильной сини
Смысл всех исканий и эпох.

— Эге! Да ты пирог с начинкой,
С изюминкой. Я всех бы вас!
И Бродин кулаком потряс.

— Вот также и с моей Маринкой.
Как заведет. Ей тоже, глядь,
Жизнь—пустяки. Была бы сцена.
А к сцене впечатлений смена.
Любовники. Как мне не знать.
Такие ж болтуны. Смотри-ка.—
Он шарит папку.—Вот она...
Громчее и безумней крика
Дрожит пружиной тишина.
Задымленный коричнев глянец
В фотографическом листе.
И, кажется, всегда не те
И ускользают, словно танец,
Полузнакомые, чисты
(Конечно же) ее черты.

Но папка выхвачена. Косо
Пригнулся Бродин и плечом
Чуть вздернутым кривит. Нос к носу
Стоят.

— Бормочешь ты о чем?
Ее ты знал? — Да знал.

И это

В глазах—рояль торчит углом.
Там Бродин хмурится с портрета—
Он в рамочке и за стеклом.
Концы сошлись. И нет излишка.
Весь воздух вычерпан. Теперь
Ключ щелкает. Закрыта дверь.
И Бродин засмеялся:

— Гришка!

Так ты же—Гришка. Вот курьез.
Я сам тебя сюда привез.
И с тошнотою отвращенья
На месте Лугина в тот миг
Вдруг видит Бродин—мерзкой тенью
Ослабился его двойник.

— Что ты мне не открылся сразу?
Безумьем порваны зрачки.
Лицо измятое в гримасу,
Рук беспокойные скачки.

— Он сумасшедший. Воля сжалась
У Лугина в один комок.

Забилась спазмой в горле жалость.

— И я его обидеть мог.

Как жизнь дика, тяжка, кромешна.

Мой каждый шаг—другому боль.

Я все ему скажу. Конечно,

Он должен все понять!

— Позволь,

Э, нет... Ты, Гриша, хитрый.

Бродин

Прищурил бровь, грозит рукой,
Другою шарит за спиной.

— Шалишь. Я все-таки свободен.
Я уберу тебя. Пора.

Он дернул шнур. И лампа, жалко
Мигнув, загасла. Прямо, как палка,
Сидит, замолк.

А со двора

Рассвет вылизывает серо
Фигуру, вросшую в диван.
Он задний опростал карман.
Короткодулый револьвера
В ладони аккуратно сжат
Чеканный вороной квадрат.
— Стань в угол.

— Да кому ты? Мне ли

Грозит? И ясно, не спастись.
И пальцы вдруг заохолодели.
Пол, будто в лифте, давит в высь.
Сон. Он несет чужое тело.
Он сам—не Лугин. И—мертво
Душа, как листья, облетела.
Молчать. Спокойно. Ничего.
Шагнул на цыпочках. Во взмахах
Рук словно из себя он лез.
Но дуло, как зрачок.

И рез-

Ко хлопнул едкий запах.
Гарь. По глазам огня язык...

Сквозь оползание, сквозь крик
Он вышел в дверь...

И нет, не взглядом

Глядит назад.

Все тихо.

Рядом,

И все-таки за тыщу лет—
Вот комната.

Свинцовый свет.

Один заполз глубоко в угол.
Пиджак завернут. Нет лица.
Другой—белее мертвеца—
В плечо лежащего постукал,
Провел рукой по волосам
И сел на пол, без мысли, сам.

. . . . .

Уж дверь ломали. И соседи
Толпой вжимались в коридор.
Карета въехала во двор.
Пал первый луч желтее меди.
Тянуло ветром . . . .

8—16/VI 27.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ИСТОРИЯ

ГЛАВА I

— Да. Снова, снова, что мы значим?
Года ведут суровый спор.

Ядвига шла. Стеклом горячим
Лег неба вогнутый простор.

— Когда же все насквозь изменим
Мы жадным волящим умом?

Уж листья кое-где осенним
Сухим желтели огоньком.

— И каждый сам себе загадка.
И в каждом затаен ответ.

Ядвига шла. За складкой складка
Лучей прослаивался свет.
Домой? Нет, поверну направо...
Пустынен клиник длинный ряд.
Садов ленивая оправа.
Мир повреждений и утрат.

Какая б жизнь ни билась в теле
И как бы мысль ты ни вязал,

Тут ждут больничные постели
И тишина глубоких зал.
Стена пробелена известкой.
Кто знает, ляжешь в день какой
Под этою прохладно-жесткой
Шероховатой простыней.
И после бредового торга
С температурами в бою
На деревянной наре морга
Закинешь голову свою.

Но—нет. Вздохни, предел окрестный
Глазами весело окинь.
Свод золотеющий, небесный
Над кленами раскинул синь.
За металлическою вязью
Решеток, землю разубрав,
Зеленое разнообразье
Сплетается волнистых трав,
Пока не заиграют воды
Внизу коричневой реки.
И там—плетни, дымки, заводы,
Полей отлогие куски.
Отстали зданья за плечами,
И разгораясь, как заря,
Рябит пунцовыми зубцами
Широкий кремль монастыря.

Ядвига внутрь вошла, в ограду.
Сегодня пусто. Будний день.

В дорожках темную прохладу
Баюкала деревьев лень.
Она прочитывает плиты,
Где буквы стертые пробиты,
Где камень тесно оплетен
Узором дат, чинов, имен.
Тут—образок из желтой жести
Бренчит под ветром. (Сколько лет...) —
Тут вянущих цветов букет...
Чужих воспоминаний вести
Следить зачем?

— Ведь я жива.

Сквозь изгородь крестов резную
Не мать о сыне я тоскую,
Клонюсь к былому—не вдова.

С тех пор, как выпал этот случай,
Она притихла вся.

Беда

Какой-то тенью неминуей
Над ней раскинулась.

Когда

Под телефона хриплый клекот
К ней слух дополз о том, что...

— Как?

Убит? — Нет жив еще. Помогут.
Спасут...

В глазах метнулся мрак.
Сбежала на дорогу. Скорый
Мотор пыхтел, дымя, грозя...
— Кто? Лугин? Утренний?

— Который
Этаж?

— Сейчас к нему нельзя.
Лишь вечером вошла в палату.
Подушку продавив, уснул.
И выступали желтовато
Виски, окостененье скул.
— Идите...

В вестибюле Ольга.
Смятение. Долгий разговор.
Запуганный и влажный взор.
— О, посоветуйте. Я столько
Сил отдала своих ему.
Ужасно. Я уйти бы рада...—
Жгла Ольгу ревность и досада.
— Чего он ищет, не пойму.
Я знаю, он совсем ребенок...—
Сквозь слезы голос слаб и тонок.
— И я ему помочь должна,—
Решала в сотый раз она.

Как долго длилось это бденье
Над жизнью тлеющей. Забот
Однообразных накопление.
— Стакан с водой, в мешочке лед.
Бывало лампочка в палате
Затухнет. Туфель шарк. В халате
Сиделка пробежит. И бой
Часов. И кашель за стеной,
И сладко тянет иодом.

Кто-то
Вздыхнет и выкрикнет.

Дремота
Мягчит лицо, как хлороформ,
Растягивая грани форм.

Однажды выпал из дремоты
По утру Лугин.

— Ты? Давно ты?
Со мною?

— Замолчи. Потом...
Волос на лбу налипли пряди.
И бережно ей руку гладя,
Он улыбнулся впалым ртом.

И, значит, здесь конец распада.
Вновь сбор частей и дел, и снов,
Сложенье жизненного лада,
Сцепленье мысленных основ.
И в жадном заживаньи тканей
Возилась кровь, звеня огнем.
Под трудность вдохов, выдыханий
Жизнь тяжко копошилась в нем.
Мысль прилеплялась снова к телу,
Как ласточка гнездо вила,
У сердца смутно шелестела
Неугомонна и тепла.

Жизнь. Снова встреча. О, простое,
О, слово милое. Понять,

Вынашивать тебя с борьбою,
Твой дар почувствовать опять.
В угрюмом сумраке болезни,
Как лад давно забытой песни,
Услышать голос твой, ему
Откликнуться душой сквозь тьму.
Вдруг различить в недоумении,
Что нет конца и мир—един
Не в механическом сцеплении
Случайных следствий и причин,
Но та же радостная воля
В листе, и в камне, и в звезде,
И в сердце, сжавшемся от боли,
И в голосе моем—езде.

Так Лугин словно снова в школу
Попал. И вот ему трудна
Задача, как пройти по полу,
Не оступившись, до окна.
Чорт побери, как будто в детстве,
Выравниваешь шаг. Ей-ей,
Всей философии трудней
Выискивание соответствий
Между паркетом и тугой
Неловко гнущейся ногой.
Победа. Не упал...

Привычка

Ходить проста. А между тем...
Он полон презабавных тем.
В нем быстрых мыслей переключка.

Он их торопится собрать.
Вот—карандаш, листок, тетрадь.

— День. Август. Вижу наяву
Все. Двигаю рукой. Живу.
И странно—тело, связки, скрепы,
Мой человеческий состав.
Я, словно к берегу пристав,
Вновь за него цепляюсь слепо.
Я чувствую за костью кость.
Вот глаз—кусочек земного света.
Вот ухо—звуками одето.
А я, как неуклюжий гость
В замысленное мудро зданье,
В природой выстроенный дом
Вошел, расположился в нем,
Намусорил и—до свиданья.
Так расточительный глупец
Мотает ценное наследство,
Так бьет незнающее детство
Хрусталь старинный.

Нет, конец,
Пора взрослеть. Себя вини.
Живешь запутан и раздерган,
Пока не вырастишь сквозь дни
Мысль в расчлененный, стройный орган.

— Мне хуже. Прошлое не зуб
Больной. Его не вырвешь разом.
А все же не был ли я груб?

Но что прибавлено рассказом?
Догадывалась Ольга. Все ж
Длеть отмирающее—ложь.
Зачем мы притворялись? Прожит
Срок долгий. Вспять не повернуть.
Пусть время прояснить поможет
Нам этот стыд и эту муть.

— Как искра спрятана в кремне,
В душе затаена свобода.
Не сплю. Дождь. Ветер. Непогода.
Я думаю. И трудно мне.

Шум. Резкое бряцанье жести.
Автобусов тяжелый рев.
Гортани радио с углов
Раздельно сообщают вести.
Трамваи кажут номера,
Сдвигаясь по уклону цугом.
По скверу пестрым полукругом
Цветы. Асфальт намяк.

Жара.

Над архитравом колесница
И кони воздух бурно бьют.
Вся площадь кораблем кренится,
Погружена в железный гуд.
Толпой ершатся тротуары.
Присели крепкие лари,
Моторов черные футляры
Промыты желтизной зари.

И кто погонщик этой скачки,
Кто бдит с закинутым бичом
Над нищим, кланчащим подачки,
Над вузовцем, над нэпачом,
Над стадом женщин разноцветным,
Газетчиком, поднявшим крик,
И над поэтом незаметным,
Остановившимся на миг.

Он перепуган. Он сухими
Губами шепчет

— Да. Опять.

Сейчас. Сейчас. Я вспомню имя.
Мне только б слово отыскать.
— Все вспыхнет. Все взметнется дымом.
Откроет лик и смысл...

И в нем

Душа звенит неудержимым,
Нечеловеческим огнем.
Но—тьма.

Срываясь сердце рухнет.

Не то. Не так. Забыл. Не смог.

Идет. И папиросы тухнет
В дрожащих пальцах огонек.
И день стареющий и едкий
В витрины смотрится мертво.
И площадь бешеной рулеткой
Вращается вокруг него.

Ядвига прыгнула с трамвая.

Наваливаясь, прижимая,
Влеклась толпа.

Домой, домой.

Своей утоптанной спиной,
Серея, ластилась Петровка,
Кузнецкий глянцеvито лез
Распластанный наперерез.
Вот засутулилась церковка,
Затолкана со всех боков
Шуршаньем шин, возней шагов.
И нависая корпусами,
Все в язвах вывесок, в пыли,
Замазанными небесами
Прикрытые, дома легли
Углами, буроватой лепкой
Карнизов, бликами стекла,
Тут скреплены трубою цепкой,
Что жестью на фасад вползла,
А тут обкусанною вязью
Роз гипсовых перевиты,
Являя злое безобразье
Архитектурной нищеты.
И, наконец, в резьбе дубовой
Ее подъезд; лишь пересечь
Вдоль переулкa бестолковый
Наплыв машин, людскую течь
И дома.

Но...

Зачем же эти

Ряды? Сера змея солдат.

И трубный зык, заплачка меди
И барабана перекат.
Пунцово скошены знамена.
В них жарок золота развод.
И лошади неугомонно
Под марш выцокивают ход.
Над головами красных досок
Граненый сруб, и лавр венка,
Метанье шелковых полосок
В поддергиваньи ветерка.
На крышке хохлится фуражка.
— Озвучивайте, трубы, путь.
Уже окончен подвиг тяжкий
И воздуха не просит грудь.
Лишь багрянеющих полотен
Развернут складчатый настил...

— Ты уезжаешь, Гриша Бродин,
Ты руки белые сложил.
Пусть комья матери сыпучей
Земли не будут тяжелы.
Эх, где ты, вихорь мой летучий,
Эх, где вы, годики-орлы.
Вы были пестовать охочи
Лихую голову мою.
Да, видно, песни жизнь короче,
Как песню, жизнь не допою.
Знать, выпал мне удел таковский

Загаснуть, удаль распыля.
Прости—прощай, народ московский,
Вы, сестры-башенки Кремля.

Ядвига смотрит холодея.

Смерть —

(Словно иглы в голове)

Опять гарцует перед нею
В своем военном торжестве.
Ей трудно в воздухе промятом
Жарой.

Как-будто кто-то взглядом
Ее вбирает издали.

Бессильно руки затекли.

Да кто же?

Ищет между всеми.

Не этот ли в суконном шлеме
Оборотил лицо свое?

Нет, он не смотрит на нее.

И вдруг, там, выше, там, где прямо

Ее квартира, там окно

Высокое растворено,

И человек...

Ряды упрямо

Прошли. Лишь медных голосов

Расплавленный доплещет зов.

И человек,

склонясь на локоть,

Глазами медленно скользя,

Чуть улыбнулся.

Нет, нельзя...

Да кто же он? Как смеет трогать
И душу ворошить ей взор
Впервые встреченный?

В раствор
Подъезда, словно от погони,
Вбежала.

— Я схожу с ума.
И будто в грохоте и звоне

За нею валяются дома.

Ступеньки. Раз, два, три, четыре...

Не по ступенькам, по годам

Бежит обратно.

— Где я? Там
Пред дверью в маленькой квартире,
Не на Плющихе ль?

— Что за вздор.
Звонок. Проходит в коридор.
Опомнилась.

— Я истеричка.
Смешно. Уехать бы скорей.

Уж гонит к зеркалу привычка

Оправить россыпи кудрей.

Как тесно волосам под шляпой.

— Меня не спрашивал никто?

Возясь у вешалки разлапой,

Прислуга шевелит пальто.

(Конечно ж нет.).

— Вас ждут.

— Ждут? Кто же?

— Да кто их знает.

— Не ко мне,

Наверно.

Колкий зуд по коже.

Она ступает, как во сне.

Диваны...

— Надо бы обивку

Сменить.

Шкафы...

— Не за горой

Хотя отъезд.

Так по обрывку

Мысль щиплется сама собой.

И тут-то —

кресло по паркету

Толкнув...

Спокоен, невысок.

Искрится сединой висок.

— Вы к мужу?

Мужа дома нету.

Он смотрит.

— Никогда его я

Не знала.

Испугаться так.

Часы походкою стальнойю

Зубчатый отсекают такт.

— Чего же?

Но раскрыта книга

И буквы жгут глаза—прочти...

Он силится сказать...

— Ядвига.

Нет, нет! Оборвались пути.

— Ядвига.

Будто стены пали.

— Ядвига.

То не он, не он,
То в сердце ей ворвались дали,
То гром зовет со всех сторон.
Она слаба. Как силы мало...
Лицо руками охватив,
Глядит.

Так, значит, все сначала?
Я не могу.

— Ты жив, ты жив!
Все тело растопилось в плаче.
О, только бы держать рукой,
Чтоб не ушел.

Как я иначе
Могла дышать и быть другой.
И словно в детстве, в дикой смене
Слов, словно бы перед концом,
Она сползает на колени
С невидящим от слез лицом,
И шаря пальцами слепыми,
Будто спеленутая в свет,
Над головою слышит имя
Свое.

Вновь.

Через столько лет.
2/VII—3/VIII 27.

ГЛАВА II

Мохнато-темные бахромы
Клонили сосны. Снег навяз
На ветках. Полон зимней дремы
Был ранний сумеречный час,
И по сугробам сизой мглою
Сквозь тучи слюдянел закат.
От оттепели ноздреват
И склеен ломкою корою
Настил декабрьский.

Так теплом
Вдруг преждевременным и вялым
Запахнет перед рождеством.
Лед липким набухает салом.
Зима обмякнет. Мглистый пар
Курится по овражным склонам.
И любо затевать воронам
Картавый яростный базар.

В Москве колотят полоз санки
По выступившей мостовой.
Но тихо здесь на полустанке.
Отзвывал поезд. И домой,
Роняя жестяные звоны,

Молочницы влачат бидоны,
Да горожанин... Он впервой
Сюда приехал. Он в записку
Глядит, качая головой.
— Не разобрать... А, верно, близко.
И наугад сползает в бок,
За елкой огибает елку,
И скоро до колен намок
И безнадежно сбился с толку.

Прошло полгода. Быстро время
Свершает кругооборот.
Над городом, над нами всеми
Ритмически проходит год.
Уж мелкою стеклянной тканью
Лепечущий слетает дождь.
Тревожно веток колыханье,
Неодолима ветра мощь.
Раздерган полог лета в клочья.
И только вглубь схоронено,
Подземной сплюснутое ночью
Забывшее гниет зерно.
Над ним газетовою коркой
Снег тяжелеет. Но пора.
В нем огонек мерцает зоркий,
То—жизни теплится игра.
И снова венчики колебля,
Влажня в росном хрустале,
Цветы оттягивают стебли
На распахнувшейся земле.

Вот—современность.

К ней утрачен

Путь и забыт ее язык.

Ум невнимательный отвык,

Миражем будничным охвачен,

Дружить с теченьем дней живым.

И мы научимся ль—душою

Светло ровесничать с весною,

Быть современниками зим.

Давно окончена поправка.

Встал Лугин. Комнату тесня

Шла перетряска, свалка, давка,

Передотъездная возня:

Разгром, крушение восьмилетья

Совместной жизни, чад и гам,

Обиды, слезы. Липкой сетью,

Как паутина по углам,

Все заткало непониманье.

Как вместе быть они могли?

Будто неприбранное зданье,

Любовь их заросла в пыли.

Так тысячи живут; осели.

Взаимных обязательств ложь.

Ржут примуса, теплы постели,

Квартирный кризис—не уйдешь.

Она уедет—но покуда...

К отцу совсем—но до тех пор

Подруги, вздохи, пересуды

И всюду выпад и укор.

— Еще ее он вспомнит.—Ну-ка,
Пусть поживет...

Что мысль—то яд.

Он жесток. Не сказать ни звука,
Не каяться, не звать назад.

Посмотрим...

Вот из зарубежья

Ответ получен наконец.

Дни доживал ее отец

У золотого побережья

Адриатических глубин,

Весьма состарившись, один.

Россию помнил, клял болото

Европы и любил вполне

Лишь вытертые фрески Джотто,

Темнеющие на стене.

И все окончилось. И полой

Душа казалась. Как привстать

Из этой пустоты тяжелой,

На берег выбраться опять?

И одиночество. Что глуше

Бывает медленных ночей?

Заброшен, выключен, ничей

Притих. И лишь скребется в уши

Сухое тиканье часов.

Как бы от мира на засов

Закрыт, засел без мысли в кресле

Понур, неряшлив, не одет.

Знакомые, как дым, исчезли.

И о Ядвиге вести нет.

Случилось так: с ее супругом
В вагоне смежном отбыла
И Ольга. Тот глядел с испугом
На Лугина. Была тепла
Любезнейшая, без задорин
Беседа. Ольге явно рад,
Слова горстями звонких зерен
Он сыпал. Но когда подряд
Два раза Лугин через пленку
Речей пытался о жене
Спросить, он отбегал в сторонку
И глох в перонной суетне.

Зима. Сезон московский громок.
Театры ярко зажжены.
Рекламы блещут из потемок,
Сбегая вязью со стены.
Приманки пестрые повсюду.
Там диспута чадит костер.
Там конструктивную причуду
Замыслил левый режиссер.
Там музыкантом именитым
В крылатом фраке, с коком взбитым,
Прибывшим из чужих сторон
Оркестр на приступ поведен.
И зал законопатив густо
Полотнами, где красок раж
Расставил торсы, группы, бюсты
Гостеприимный вернисаж.
А что поэты, ротозеи?

Ужель молчат? О нет, давно
В Политехническом музее
Нам поприще отведено.
И там на ярмарочной склоке
Течений, в давке лиц, в борьбе
Разнокалиберные строки,
Искусство, мы дарим тебе.
И после, верные привычке,
Богема и служилый люд
Осуществляют принцип смычки
В кафе под звон прогретых блюд.
Пускай грозит блокадой злобной
Мир буржуазный, кабачки
Полны и переступью дробной
Чеканят танец каблучки.
Запаздывая на полгода,
Неумолимая и нам
Диктует западная мода
Крой юбок и прически дам.
И мы, послушливы примерно,
Ей внемлем.

Но, Москва, скажи,
Ты вся ли здесь?

Иль Коминтерна
Гранитный корпус мятежи
Уже устал сулить народам?
Не спи. Рассветом бел восток.
И напряженно по заводам
Гудку отвечает гудок.

Стук в дверь.

— Войдите.

Встал со стула.

Кто может быть? Совсем отвык

От посещений он.

Скакнула

Тень по столу, по стопке книг.

Кушетка. Мятый ком подушки.

Там вяло он любил прилечь

И слушать дум несвязных речь,

Выписывая завитушки

Слоистым дымом табака.

Темна небритая щека.

Как-будто он давно в дороге,

Не дома...

— Ну, входите. Кто?

Дверь отползает. На пороге

Фигура. Темное пальто.

И в легком шелестеньи тканей

Так различима, так видна

Не смерть, не мгла воспоминаний,

Входила женщина. Она

Вот оглянулась. Перед нею

Все разом смеркло. У дверей

Стоит, как-будто чуть робея,

За щедрость прелести своей.

Марина. Неужели мысли

Имеют силу звать и влечь?

Он ждал ее. Он сроки числил

Нечаянных и трудных встреч.

И здесь она. Рука на спинке
Хромого кресла. И—тиха.
Искрясь осыпали снежинки
Ее пушистые меха.
И все-таки совсем чужая.
Что ей он скажет? Для чего
Пришла и смотрит, обнажая
Все замешательство его.
И с неожиданною злобой
Вскрутилась память перед ним.
О, сердце жалкое, не хлопай,
Комком промерзши ледяным.
Его неловкости колючей
Не замечает словно.

— Да,

Дня на два. Я слыхала... Случай
Ужасный. Кто мог знать тогда.
И Лугин силится усмешкой
Укрыть волнение свое.
Нет, он не будет больше пешкой,
Он позабыл давно ее.
Слова опасливы.

— К больному

Пришла.

(Скажите, как добра!)

Уйдет, разворошивши дрему
Его бессилья.

— Я вчера

Приехала сюда. Обоим
Нам пережить пришлось...

(Все ложь!)

Он шарит взглядом по обоям,
Где ромбов вытиснен чертеж.
Она следит за ним с тревогой.
— Вы до сих пор совсем больны.
— Не вами болен я!

Жестокой

Гримасой перекривлены
Его черты. Поднявши руки
И словно защищаясь, вся
Она откинулась в испуге.
— Да что вы, Лугин! Так нельзя!
— Я вам не Бродин. С ним могли вы
Кривить душой и вить петлю!
Она вскочила. Только живы
Глаза.

— Молчите. Я молю.

И в ослепительном величьи
Неомраченной красоты
Над этих восклицаний дичью,
Марина, выпрямилась ты.
Уйди из этой клетки мрачной,
Где ревность мечется, как зверь.
Уйди в простор зимы прозрачной
Захлопни за собою дверь,
Чтоб, пробегая коридором,
Запутавшись в чужих стенах,
Услышать зов его, в котором
Раскаянье, смятение, страх.
Она вернулась...

— Что такое?

В записке ясно—прямиком
Вдоль насыпи. Но эти хвои,
Но эта тишина кругом.
Где ж поворот? У поворота
Должны означиться ворота
И, следовательно, крыльцо
За ними будет налицо.
Однако, темень.—Дело скверно.
Толпились сосны. Звезды шли.
— Я словно капитан Жюль-Верна
В снегах арктической земли...

— Марина... Неуклюж и гадок,
Как я себе позволить мог
Впасть в обличительный припадок,
Досадовать, как педагог,
Своей разгневанной любовью
С налету диктовать условия,
Бессвязно сетовать, с ума
Сходя от нежности, не смея
Все высказать.

Живи сама,

Останься памятью моею.
Нельзя быть более чужим,
Чем ты и я. Мы только в звуке
Глубоко скрытом близки, им
Тебе я откликаюсь в муке
И радуюсь на твой приход
Внезапный. И разбужен, верю.

Но мимо ты идешь, и вот
Я праздную свою потерю.
Что требовать? Ты надо мной
Прошла, сама не понимая,
Такой слепительной весной.
— Люблю грозу в начале мая.
Так вносит в душу строй и лад
Стих, вспомнившийся ненароком,
Так солнце выглянет, и сад
Обрызган световым потоком.
И словно отдаленный гром,
Играет жизнь... Крепись и выстой.

— Что это на бугре? Ребром
Заборик. Домик. Золотистой
Полоскою пучок лучей
Сквозь щели ставен.

— Подойду-ка.
Спрошу. Все замкнуто. Ни звука.
Лишь сердце падает звончей.
Пуста веранда. Глянул между
Неплотных створок внутрь. Стена
Досчатая освещена.
Живут. Он чувствует надежду—
Сейчас ему укажут путь.
Пускай выходит кто-нибудь.

Он видит комнату. Что—эти
За чертежи везде? Зачем
Разметы форм, узоров сети,

Резьба архитектурных тем,
Проекты зданий, сочлененье
Висячих арок, строй колонн?
Упругих линий вдохновенье
Следит, не понимая, он.
И у стола в полоборота
Задумался, нагнувшись, кто-то,
Не стар, но резко вплетены
Сухие нити седины
В виски. И спорится работа
Летучего карандаша.
И Лугин смотрит, не дыша
В лицо, исчерченное думой,
Следит руки упорный взмах.
И—отошел.

И бор угрюмый
Раскачивается впотьмах.

— Вот так и самому, всецело
Забыв себя, и самому
Сидеть. О, как он хочет дела,
Как мысли просятся к нему!
Пора, пора. Конец шатаний.
Домой. Сдвигались формы слов
В разлеты непонятных зданий,
В крутые груди куполов.
— Не одинок, но кровно спаян
Со всеми, породнен трудом,
Пусть не поденщик, а хозяин,
Закладываю общий дом.

Упорство мышцы, мысли точность—
В единый сплав. И знаю я,
Жизнь молотом проверит прочность
И ковкость нашего литья.
И кто бы ни был ты, о чем бы
Ни думал за стеной, в окне,
Эти колонны, дуги, ромбы
Ты чертишь не себе, а мне.
И не своим томлюсь, а общим
Я горем здесь, глядя во тьму.
Мы вместе бродим, вместе ропщем,
Плывем по руслу одному.
Какое ясное волнение.
Как-будто сон давнишний мой
Сбывается.

Уж в отдалении

Лес озаряется луной.
И все заискрилось. И ярки
Деревьев серебристых арки.
И блесками голубизны
Сугробы щедро убраны.
Он стук в окно. Все тихо.—Ну, же.
Бренчит замок, и грохнул болт.
Он, перемахивая лужи,
Бежит. Дверь открывают. Желт
Глаз фонаря в руке.

На плечи

Накинув шаль, Ядвига.

— Как?

А я отчаялся во встрече.
Я заблудился.

— Вот чудак.
Ведь я писала ясно.

Сени

Смолою пахнут и зерном.
В ее лице играют тени,
— Я получил письмо.

— Пойдем.

И он охвачен теплотою.
— Ну, наконец-то. Я сперва
Подумал...

Путая слова,
Они идут рука с рукою.
И в комнате, поднявшись, прям,
Хозяин ожидает.

Шрам

Пересекает складки кожи
На лбу.

Прошедшей смерти след.
— Я знал вас издавна.

— Я тоже.

Они проходят в кабинет.

6—21/VIII 27.

ГЛАВА III

Пора концы сводить с концами.
Замолкни, торопливый стих.
Стою над мятыми листьями,
Где вчерчен след трудов моих.
Зачем? Какие звали цели?
Достигнуты ль они? Как знать...
Лишь рифмы искрами блестели,
Выравнивалась строчек рать.
И было весело в порядок
Привести хозяйство верных слов,
Сгибать их в переметы радуг,
Сливать в семью колоколов.
А прочее—сюжет, герои,
Поступки, выводы... Не раз
Я бросить был готов порою
Свой неподатливый рассказ,
Но—пусть несвязанной картиной
(Звон красок взятых наугад,
Набор желаний, мыслей склад),
Идеей не прожжен единой,
Он остается так. Пока...
Пусть жизнь сама дополнит встречи,

Допишет начатые речи
Ее горячая рука.

Остоженка—одна из тех
Прехарактерных улиц, в коих
Исследователь без помех
Усоит, разглядев построй их,
Все свойства, что Москве вполне
Исконно, издавна присущи.
Во-первых—холм. Случалось мне
Слышать, там раньше были гущи
Лесов и в чаще рыскал зверь.
Но леса нет следов. Теперь
Тот холм явился бы нам лысым,
Когда бы на челе холма
Не обозначились дома.
Один из них просунут мысом
На площадь.

Но постойте—здесь,
То-есть в домах,—черта вторая
— Размеров и калибров смесь.
Одни привстали, упирая
Бетоны в небо, а рядом
Другие сели (не чета им).
И в их фасадах мы читаем
Обиду, ветхость, хворь и лом
Во всех костях. (Совсем старушки.)
Но, впрочем, мы сказать должны,
Иные хрупки, как игрушки
Затейливые старины.

Их облицовывают тонки
Отменно стройные колонки
И окон низеньких уют.
Там, кажется, за стенкой в зале
Поигрывают на рояле,
Романсы старые поют.
Однако вспомним—

Здесь-то громом
Ружейной дробчатой игры
Дни сыпались.

И с той поры
Сей дом руководим домкомом,
Он вымерен во все концы,
Фанерных стенок переборки
Его рассекли на каморки,
В каморках стиснулись жильцы.
И тут приглядную обитель,
Не сетуя на тесноту,
Устроил книгочий, хранитель
Былых веков.

Припомним ту
Главу, где Лугин угнетаем
Заботой, поездом влеком,
Домой стремится. Мы узнаем,
Нам Колосов давно знаком.

Он нес в музей службу.

Щуря
Внимательно зрачки, нырял
Сосредоточенный вдоль зал,
Где красок расплескалась буря

Безгласным морем и светло
Отблескивала сквозь стекло.
На гладком дереве иконы
Читал он строгие законы
Соотношений.

Бережлив

Снимать умел он тень олиф
И копоть оттирать—пока
Опять не отдадут века
Слой краски древней.

Ненароком,

Соседом у него под боком,
Засел студент и грыз, не сыт,
Теоретический гранит.

— Он был матерьялист и практик.

(Настойчив молодой закал.)

Себе из всевозможных тактик

Он без уступок путь избрал.

И твердо зная аксиому,

Мир—расслоенье классов, он

Шагал решительно по дому,

Соседским бытом удручен.

— Ишь, аккуратненько картинки

Расклеил в рамочках; тишком

Плетет стежочек за стежком,

Пером в листочках паутинки,

Корпит, как мышь...

Впрочем, оно,

Искусство, может и нужно.

Да, как завязнешь, не заметишь,
Глядишь, уже и создан фетиш.

Однако, вопреки рассудку
С ним теснота сыграла шутку.
Хоть ты другому вовсе чужд,
Есть химия квартирных нужд.
Она два розных элемента
Смешает так, что только дым
Пойдет вокруг.

И мы студента
В гостях у Колосова зрим.

От недоверия к доверью
Он колебался до поры.
Войдет насуплен. Хлопнет дверью.
Глаза темны. Торчат вихры.
Глядит, как-будто в лагерь вражий
Забрел. За словом слово. Глядь,
Увлекся и шагает в раже,
Цепляя стулья и кровать.
И проектирует с напором
Баском под взмахи крепких рук
В согласьи с данными наук
Тот неизбежный мир, в котором
Ни войн, ни гнета, но тверда
Мощь коллективного труда.

Они менялись новостями,
Текущий меряли момент.

Встречался иногда студент
У Колосова и с гостями,
Знал этого.

— Почти седой

Вбегал походкой молодой,
Упругий (на пружинах словно.
Куда торопится?) И жест
Рук легок. (Ишь глазами ест!)
Глаза синеют твердо, ровно,
И вдруг порвавшийся зрачок
Льет мысли блещущий поток.
Сурово лоб просечен шрамом.
Но улыбнется ртом упрямым,
Почти смущенный. И в упор
Внимает вашему рассказу
И, кажется, ни с кем, ни разу
Не шел так просто разговор.

— Тип странный...

Этот посетитель

Был архитектор и строитель.
Когда-то раненный в бою,
Он память утерять свою.
В больнице, позабывши имя,
Он жил. Его между живыми
Не числили. Но из краев
Чужих вернулся он здоров.

И Лугин там бывал нередко.
Однажды в узенькую клетку

Он сам, Ядвига, друг ее
Сошлись.

Снежинок ткань сквозная
Взвивалась, город одевая
В пушистое небытие.
И что-то древнее в уборе
Сугробов, в пышном торжестве
Зимы являлось. Словно море
Немое разлеглось в Москве.
Валы чешуйчатые липли
К домам. Бульвары в бахrome.
И ты, прохожий, не погиб ли,
Ты выберешься ли во тьме
Из переулков, иль упрямить
Напрасно шаг,—мигнув, пропав,
Каких-то снов забытых память
Тебя хватает за рукав,
Иль пролепляясь бурей снежной,
Рой искр взметнув над головой,
Невыясненный, неизбежный
Миражит день грядущий твой.
И в мраке каждого фасада
Обрывки слов.

— Ждут. Кто? Кого?

Беги. Забудь. Тебе ограда
Покой незнания твоего.

Но вечер тот не только крутни
Снежинок вскинул. В наши дни
Бывает—прошмыгнут сквозь будни

Вдруг слухи юркие. Они
Всегда одни и те же. Верен
Их корень. Выстрелом чужим
Убит полпред. Или Чичерин
В ответ на лондонский нажим
Отполированную ноту
Послал. Или напряжена
Наркома речь.

И вот заботу

Сулит нам медный клич—война.
И впрямь, будто свинцовой тучей
Со всех краев окружены,
Мы слышим пережат гремящий,
Нам блещут молнии войны.
И потому-то временами,
Как тяжкий идол на коне,
Она встает над городами
В железной кованой броне.
И трудно дышится под взглядом
Гиганта. Мнится не пора ль
Чеканно строиться отрядам.
Копыта бьют. Скрежещет сталь.

Но вздор. Напрасны слухов стайки,
И зря жуем газет листы,
Напрасно охают хозяйки,
Припомнив хлебные хвосты.
И, мирно, пользуясь отсрочкой,
На утро поползут мужья

Служить. И над неловкой строчкой
Опять тружусь и мучусь я.

Естественно, что очень скоро
Друзья дошли до разговора
О новых распрах.

Лугин громко
Взывал: „Ужели кровь и ломка,
И невозможен путь другой
Лечения язвы мировой?“
Студент угрюмо из угла
Басил—тут надобна метла.
Картина для экономиста
Ясна. Один рабочий класс,
Буржуазию смыв дочиста,
Все дразги остановит враз.
И отозвался: „Я согласен“—
И третий гость. Серьезен, ясен
Он по листу чертил пером
Каких-то арок перелом.
— Да, так.

Перо еще резнуло
Листок. И брошено. Назад
Откинувшись на спинку стула,
Глядит. Немного суховат,
Лицо без возраста.

— Лет сорок
Пожалуй (у студента тут
Мелькнуло)—Видно дальнотзор,
Ишь смотрит.

Но слова бегут:

— Война? Да мы давно объаты

Борьбой. Она во вне и в нас.

Мы все участники, солдаты,

Нам поле боя—каждый час.

Но в перетряске мало толку,

Пока душа стара,—все та ж,

Пока волочим втихомолку

Мы прежних навыков багаж.

Еще не мы владеем бытом,

А он на плечи наши лег.

И потому—покой далек.

И рано быть победой сытым.

Студент уперся у стены,

Уйдя в табачные дымочки.

— Но человека мы должны

Рассматривать с научной точки.

— И я об этом говорю.

Пусть мысль, подобно фонарю,

Как-будто переходы шахты,

Осветит глубины наших тел,

Бег крови и дыханий такты,

Чтоб знал я все и всем владел.

И сквозь мучительные роды,

В развале мира встретим мы

День человеческой свободы,

Сходящий молнией в умы.

Чай закипел. Таков обычай.

Хлопочет Колосов, тая
Улыбку быструю.—А я
Хочу похвастаться добычей
Нелегкой. Целых три пласта
Снял. За полоскою полоску.
Он вытащил из шкафа доску
И повернул.

Резка, чиста,
На синем, на спокойном фоне
Фигура в медленном наклоне.
Густыми складками покров
Тут—золот, по краям—вишнев.
И выгнутых бровей разлеты,
И полон вдумчивой заботы
Глубокий затененный взгляд,
И смуглый лик продолговат.
А сзади—башенки, воротца
И скат горы коричнев, крут.
— Усидчивого новгородца
Внимательный и чуткий труд.

И тут иные встали темы:
О старине и новизне,
О творчестве, о нашем дне,
О том, о сем.

Решаем все мы
Разнообразные дела
В кругу у чайного стола.

А ветер сник. Втроем по снежной
Шли тишине. Искристый рой
Созвездий наплывал мятежной
И кристаллической игрой.
Уж позднего трамвая гонка
Разбрызгивала гомон звонко.
Простились наспех.

— Значит, ждем...

Кивали, наклонясь с площадки.
От стекол ровные заплатки
По снегу поползли гуськом.
Вагон умчался.

По панели

Брел Лугин.

Площадь. Купол. Мост.

— И надо жить.

Во мгле хрустели

Шаги. Морозно.

— Сколько звезд!

21/VIII—29/VIII 27.

ПРИПСКА

ПРИНЦА

И все?

Зачем путь строчек долог?

Зачем, подобные ручью,

Вились они?

— Не идеолог,

Я просто — вижу и пою.

О, возникающие тени,

Усните. Нынче кончен час,

Назначенный для ваших бдений.

Здесь точка. Оборвем рассказ.

Он пресечен на половине.

Мы встретимся ль когда-нибудь,

Мои герои? Я в пустыне

Оставлю вас.

Счастливым путь.

Пусть в обетованную землю

И без меня дойдете вы.

Я в ночь вошел. Я ветру внемлю.

Я вижу площади Москвы.

Снегами город изукрашен.

Кремля насуплены зубцы.

Дозоры островерхих башен

Уперлись в звездные венцы.

И оступаясь над покоем
Уснувших зданий, там, с угла
Прозрачно падающим боем
Ночь колыхнут колокола.
И меди тонкое волнение
Владеет воздухом. И вот
Застеклянеет в отдалении,
Во мрак осколками скользнет.
И—вымысел замысловатый,
Как многокупольный шатер,
Витой уступчатой громадой
„Блаженный“ яруса простер.
А насупротив врезан темный
Квадратный сруб. И в нем залег
Носитель воли буреломной,
Искатель будущих дорог.
Предусмотрительный хозяин
Восстаний, верно чувствует он,
Как прожимаясь от окраин,
Дыбятся заросли знамен,
Как вдоль решетчатой ограды,
Щеголеваты и тверды,
Тут красноезвездные парады
Сдвигают жесткие ряды...
И мимо пропуская эти
Валы, я знаю, горд и рад,
Из наших рук воспримут дети
Земли благословенный сад.
И не исчезнет без ответа,
Соединясь в единый звук,

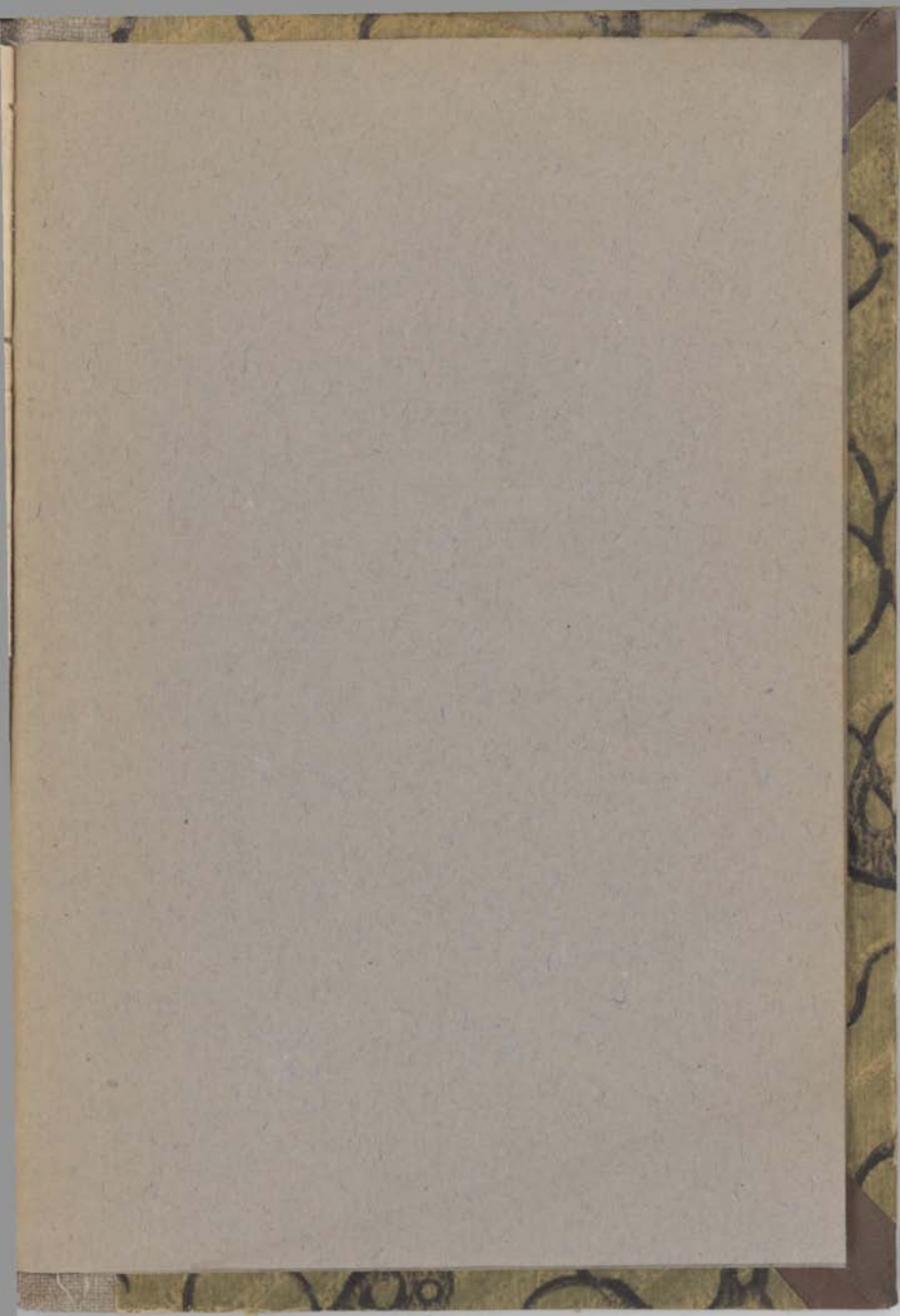
И труд бойца, и боль поэта,
И наблюдателя досуг.
И потому морозной ночью
Сквозь задремавшую Москву.
Я утро чувствую воочью
И улыбаюсь.

И живу.

1—14/IX 27.

15-00

1/25

ОБОВ'ЯЗКОВИЙ
ПРИМІРНИЙ